

Санкт-Петербургский государственный университет

БАБЧУК Анна Игоревна

Выпускная квалификационная работа

Спонтанный монолог-рассказ на неродном языке (типология ошибок)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. кафедры русского языка
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., доцент, зав. кафедрой русского языка
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)
Баева Екатерина Михайловна

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. УСТНАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	9
1.1. Устная речь: о ее спонтанности и неподготовленности.....	9
1.2. Сбалансированная аннотированная текстотека	12
1.3. Монологический тип речи.....	14
1.3.1. Монолог vs диалог	14
1.3.2. Типология спонтанных монологов	19
1.4. Выводы по главе.....	22
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В МОНОЛОГЕ-РАССКАЗЕ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ	23
2.1. Материал и методика исследования.....	23
2.1.1. Источник материала	23
2.1.2. Методика исследования	24
2.2. «Простительные» и «непростительные» ошибки	25
2.3. Фонетические ошибки	25
2.4. Словообразовательные ошибки	29
2.5. Лексические ошибки.....	31
2.5.1. Ошибки из-за близости фонетического облика слов	32
2.5.2. Ошибки из-за близости значений слов	35
2.5.3. Ошибки из-за межъязыковой интерференции	41
2.5.4. Ошибки из-за нарушения лексической сочетаемости	43
2.5.5. Ошибки из-за необоснованного эллипсиса.....	44
2.5.6. Лексические аномалии	45
2.6. Грамматические ошибки	46
2.6.1. Морфологические ошибки.....	48
2.6.2. Синтаксические ошибки.....	62
2.7. Фактические ошибки	80

2.8.	Ошибки, трудно поддающиеся интерпретации и исправлению	81
2.9.	Исправленные и не исправленные ошибки	82
2.10.	Количественные данные	84
2.10.1.	Количественные данные (фонетические ошибки)	84
2.10.2.	Количественные данные (лексические ошибки)	85
2.10.3.	Количественные данные (морфологические ошибки).....	88
2.10.4.	Количественные данные (синтаксические ошибки)	91
2.10.5.	Общие количественные данные (все типы ошибок).....	94
2.11.	Онлайн и офлайн коррекция	97
2.12.	«Окружение» ошибок	99
2.13.	Приметы спонтанной речи	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		107
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ		110
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....		111
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ.....		122

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время русская спонтанная речь все чаще становится объектом исследования лингвистов, так как она по-прежнему недостаточно полно описана и все еще воспринимается не так серьезно, как речь литературно-письменная, которая в достаточной степени изучена и обстоятельно описана в словарях и грамматиках. При этом несомненно, что устная речь, в отличие от письменной, «есть первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** лица (выделение автора. – А. Б.)» (Гумбольдт 1960: 68).

Особенно интересно язык раскрывается в речи инофона, и потому такая, интерферированная, речь заслуживает отдельного внимания. В речи на неродном языке можно проследить весь путь овладения языком, который был пройден человеком для того, чтобы иметь возможность говорить на иностранном языке, общаться с носителями изучаемого языка. «Язык создан прежде всего для устного употребления» (Балли 1955: 34), и именно за устным употреблением языка инофонами увлекательнее всего наблюдать.

Наиболее полно уровень владения иностранным языком и умение им пользоваться проявляется в устных монологах-рассказах.

С одной стороны, казалось бы, это не самый сложный коммуникативный сценарий, поскольку монолог-пересказ и монолог-описание¹, в отличие от свободного рассказа, предполагают (навязывают говорящему) владение определенной лексикой, которая задана исходным текстом (или изображением) и незнание которой заставляет информантов испытывать трудности, делать лишние (хезитационные²) паузы, обращаться

---

¹ О возможной типологии спонтанных монологов см., например: *Звуковой корпус...* 2013: 87-88.

² От лат. *haesito* – ‘засесть, застревать, задерживаться’ и англ. *Hesitation* – ‘колебание’. Под *паузами хезитации* (ПХ) понимают «заминки, паузы в устной речи, вызванные не синтаксическим строением текста, а лишь тем обстоятельством, что в условиях спонтанного речепорождения говорящий вынужден говорить и думать одновременно, что создает ситуацию временного дефицита» (Чэн Чэнь 2018: 8). Такие паузы можно рассматривать как «явление свободной естественной речи», как «периоды <...> обдумывания, принятия решения. Они возникают в процессе продуцирования спонтанной речи, манифестируются разными видами как непреднамеренное прерывание последовательной материализации мысли. Это

к словарю (*Чэн Чэнь* 2018: 41). В то же время подобные монологи обладают большей степенью лингвистической мотивированности³ и меньшей степенью спонтанности и потому задают определенный сценарий, которого говорящим остается только придерживаться (*Звуковой корпус...* 2013: 87).

С другой стороны, именно монолог-рассказ сложнее, чем другие коммуникативные сценарии, так как он имеет наименьшую степень лингвистической мотивированности и наибольшую степень спонтанности (*там же*). Именно высокая степень спонтанности позволяет инофонам в полной мере продемонстрировать весь спектр своих знаний и умений и тем самым осложняет им задачу, поскольку иностранцам зачастую довольно сложно строить большие тексты на неродном языке, не опираясь на какой-либо план.

В монологах-рассказах на неродном языке интересно посмотреть на ошибки, допускаемые инофонами. «Не подлежит сомнению, что с точки зрения речетворческих процессов (т. е. нашей речевой деятельности) ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов; они зачастую дают ключ к пониманию причин исторических изменений в языке. Для настоящего лингвиста-теоретика, для которого вопросы “как” и “почему” являются самыми важными, ошибки речи оказываются драгоценным материалом» (*Щерба* 1974: 287-288). Важно отметить, что систематизация ошибок и построение типологии в настоящей работе будет происходить на базе корпуса живой речи. Ведь именно «живые языки (разрядка автора. – А. Б.) во всем их разнообразии» И. А. Бодуэн де Куртене считал главным источником «материала как для грамматических, так и для

комплексный полифункциональный феномен поисково-коррективного характера, неотъемлемый атрибут устнопорождаемого высказывания, реализуемый на уровне речевого автоматизма» (*Яковлева* 2016: 6). См. о ПХ также: *Lounsbury* 1954; *Maclay, Osgood* 1959; *Николаева* 1970; *Clark, Fox Tree* 2002; *Александрова, Иваницкий* 2003; *Александрова* 2004; *Кибрик А. А., Подлесская* 2005; *O’Connell, Kowal* 2005; *Степанова* 2006; *Fehringier* 2007; *Corley, Stewart* 2008; *Бубнова* 2008; *Сапунова* 2009б; *Cenoz* 2013; *Хан* 2013; *Белицкая* 2014; *Казак* 2015; *Тэн Хай* 2015; *Чэн Чэнь* 2018; *Баева* 2018; и мн. др.

³ Под лингвистической (не путать с психологической!) мотивированностью спонтанного монолога понимается его обусловленность некоторым исходным (первичным) стимулом, «давшим говорящему импульс для порождения речи» (*Богданова* 2006: 288). О соотношении лингвистической мотивированности и спонтанности как ведущих характеристик устного текста см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2013: 87.

всяких других лингвистических исследований и выводов» – «материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» (*Бодуэн де Куртенэ* 1963б: 103; см. также 1963а: 62). Поэтому найденные ошибки в настоящей работе не будут «подгоняться» под существующие типологии, а послужат материалом для создания новой типологии или, по крайней мере, некой системы, основанной исключительно на базе реальных ошибок, допущенных в устной спонтанной речи конкретными говорящими.

Таким образом, *объектом* настоящего исследования является русская устная интерферированная спонтанная речь инофонов в жанре монолога-рассказа. *Предмет* исследования – полный спектр ошибок в этих монологах.

Целью работы является выявление, описание и систематизация ошибок разного типа в спонтанных монологах-рассказах инофонов на русском языке и попытка создания типологии ошибок.

Выбранная цель предполагает постановку и решение следующих *задач*:

- обзор литературы по теме исследования;
- создание пользовательского подкорпуса материала;
- анализ материала и поиск ошибок;
- распределение ошибок по группам: *фонетические* (акцентологические), *лексические*, *грамматические* (морфологические и синтаксические);
- наблюдения над трудностями говорящих в построении дискурса;
- анализ ошибок и поиск возможных причин возникновения ошибки, с использованием словарей, учебников и лексических минимумов для иностранцев;
- составление типологии на основании полученных результатов;
- установление корреляций ошибок разного типа с уровнем владения русским языком (РЯ).

Источником *материала* для исследования послужил корпус монологической русской речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ)⁴. В исследовательский подкорпус вошло 8 монологов-рассказов на тему «Мои впечатления о России», записанных от информантов-американцев (8 монологов).

Актуальность исследования заключается в корпусном подходе к изучению спонтанной речи, который активно используется в современной лингвистике. В работе задействован устный корпус, который «характеризуется представительностью, или сбалансированным составом, текстов <...> и содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию)» (*Звуковой корпус...* 2013: 71). Актуальным следует признать и обращение к русской устной монологической речи носителей других языков.

Научная новизна исследования состоит в поиске ошибок в устной спонтанной интерферированной монологической речи инофонов и создании типологии ошибок на базе корпуса текстов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты проведенного исследования позволят дополнить имеющиеся типологии ошибок и внесут вклад в общее описание устной спонтанной речи, как на родном, так и на неродном языке.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные можно будет использовать в преподавании русского языка как иностранного и в курсах по *коллоквиалистике*⁵.

На защиту выносятся ряд *положений*.

1. Материал интерферированной русской речи позволяет построить не одну, а несколько параллельных типологий:

---

⁴ См. о корпусе САТ подробнее: *Звуковой корпус...* 2013; *Богданова-Бегларян и др.* 2019а.

⁵ Под *коллоквиалистикой* (от лат. *colloqui* – ‘разговаривать’) понимают теорию разговорной речи, особую научную дисциплину, изучающую специфику разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидностью языка (*Девкин* 1974, 1979; см. также: *Скребнев* 1985).

- 1) типологию *по языковым уровням* (ошибки фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), фактические и ошибки, трудно поддающиеся интерпретации);
- 2) типологию *исправленных и неисправленных* ошибок;
- 3) типологию *по степени допустимости сделанной ошибки* («простительные» и «непростительные»).

2. Грамматика (морфология и синтаксис) – самая трудная часть русского языка для иностранцев. Выбор правильной грамматической формы представляет для информантов одинаковую сложность независимо от уровня владения русским языком.

3. Информанты с более низким уровнем владения русским языком допускают больше ошибок, но чаще их исправляют, так как сильнее контролируют собственную речь и говорят медленнее. Этой же группе информантов принадлежит большинство «простительных» ошибок.

Основные *методы* работы:

- метод сплошной выборки;
- описательный (контекстный анализ);
- сопоставительный;
- метод простых количественных подсчетов (квантитативный).

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы;
- 7) список словарей и иных источников.

ГЛАВА 1

УСТНАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Устная речь: о ее спонтанности и неподготовленности

Устная спонтанная речь (УСР) является прекрасным, удивительно показательным, но несколько недооцененным в лингвистике объектом исследования. Она демонстрирует, как на самом деле функционирует язык, когда в своей реализации в речи ему не сопутствует длительное обдумывание и правка, как происходит с письменной его формой. В последние годы УСР все чаще попадает в зону внимания исследователей, и это не может не радовать, поскольку именно в устной речи в первую очередь формируются разнообразные изменения, которые потом могут попасть и в язык, письменность же «консервативна и не успевает в своем развитии следовать за произносимым языком» (Щерба 1957а: 12). По мнению Л. В. Щербы, язык и письменность питаются «соками живого языка», ср. также: «В речи источник всех изменений; каждое из них первоначально, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым коллективом индивидов. <...> Факту эволюции [языка] всегда предшествует факт, или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи» (Соссюр 1933: 102); «Ничто не входит в язык, что не было бы раньше испытано в речи, и все явления эволюции коренятся в сфере индивида» (там же: 156).

Существуют разные подходы к пониманию устной речи. Рассмотрим некоторые из них.

Е. А. Земская разделяет неподготовленную и спонтанную речь: «Устная речь (если это не чтение вслух или наизусть) – это обязательно импровизация. Она создается на ходу, в процессе акта коммуникации. Поэтому устная речь тесно связана с таким параметром, который принято называть “неподготовленность”» (Земская 1988: 7-8). По мнению Е. А. Земской, спонтанная речь возникает без воздействия внешнего импульса, она полностью не мотивирована, и потому неподготовленность

и спонтанность называют разные признаки речи: «речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» (Земская 1988: 7-8).

Другая точка зрения принадлежит Н. В. Богдановой-Бегларян (Богдановой): «трудно представить себе речевую деятельность человека, абсолютно ничем не спровоцированную – будь то внешний стимул (импульс) или внутреннее побуждение» (Богданова 2002: 46-47). В подтверждение этой точки зрения приведем слова В. А. Артёмова, специалиста в области психологии речи и обучения иностранным языкам: «По существу никакая речь не может быть спонтанной, так как она является ответом на какое-либо воздействие внешней или внутренней среды. Если побуждение к речи носит внутренний характер, то не следует забывать, что любая мысль, чувство или желание человека не спонтанны, а определяются многими причинами общественного и личного характера в их взаимосвязи. Поэтому так называемая спонтанная речь должна пониматься как речь неподготовленная заранее» (Артёмов 1958: 245).

Таким образом, в последних упомянутых работах «спонтанность понимается фактически как синоним неподготовленности, и спонтанной признается, вслед за многими другими исследователями, речь неподготовленная, непринужденная и осуществляемая в неофициальной обстановке. В другой трактовке спонтанность отражает не только и не столько предварительную неподготовленность речи, сколько плохую ее согласованность с конкретными условиями речевой коммуникации, которые порождаются и определяются не в последнюю очередь личностью говорящего. Спонтанность в таком понимании является маркером не первичности, а несогласованности мысли и речи с условиями коммуникации» (Звуковой корпус... 2013: 458).

Для Ш. Балли спонтанность – это отсутствие обдумывания и планирования речи (Балли 1961). Спонтанность объясняется «психологией

среднего носителя языка», быстротой и непосредственностью высказывания в условиях дефицита времени и влиянием посторонних лиц (Балли 1961: 326-330).

Для И. Н. Борисовой «спонтанность является одной из фундаментальных характеристик речевой деятельности в коммуникативных событиях, принадлежащих диалогическому пространству устной разговорной речи» (Борисова 2001: 101). Неподготовленность же – один из уровней спонтанной речи. Всего исследователь выделяет три степени спонтанности устной речи:

1) *неподготовленная речь* (редуцированность замысла, нефиксированность темы, непродуманность стратегии или композиции, импровизированность языковой формы). Эта характеристика присуща неофициальным бытовым диалогам в непринужденной сфере коммуникации;

2) *частично подготовленная речь* (существует замысел, тема однозначно определяется ситуацией, стратегия в большей или меньшей степени планируется, форма выражения – импровизированная). Примерами могут послужить городские стереотипы, диалоги, сопровождающие предметно-практическую деятельность и диалоги в игровых ситуациях;

3) *подготовленная речь* (тщательная проработанность фаз замысла и планирования: может существовать письменный прототип в виде плана, конспекта, возможна словесная импровизация). Такая речь характерна для «публичных» жанров поздравления, тоста, пересказа первичного текста и др.

Отдельно И. Н. Борисова выделяет оппозицию *спонтанный текст* (звучащий текст, создаваемый непосредственно в момент речи) – *неспонтанный текст* (имеет готовую письменную форму, подготовлен к озвучиванию, т. е. предварительно прочитан, усвоен, размечен; реализуется на основе словесной импровизации) (*там же*: 108).

В настоящем исследовании термины «неподготовленность» и «спонтанность» используются как синонимы.

Петербургские исследователи выделяют *четыре степени естественности* устной спонтанной речи:

1) *лабораторная речь*, записанная в определенных условиях: звукоизолированное помещение, наличие диктофона и конкретного «речевого задания», экспериментатор. В этих условиях информанты могут быть подвержены стрессу, и это, безусловно, находит отражение в их речи;

2) *экспериментальная речь*, которая записывается на «территории информанта» (у него дома или на рабочем месте). В такой ситуации говорящий чувствует себя комфортнее, однако диктофон и рамки речевого сценария по-прежнему оказывают влияние на его речь;

3) *естественная речь* информанта в проекте «Один речевой день» (ОРД)⁶. Говорящий проживает свой «речевой день» «с диктофоном на шее»;

4) *максимально естественная речь* коммуникантов в проекте ОРД (*Звуковой корпус...* 2013: 46-47).

Настоящее исследование строится на базе монологов, записанных в условиях, близких к лабораторным (первая степень естественности).

1.2. Сбалансированная аннотированная текстотека

Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) является одним из корпусов устной речи (наряду с корпусом повседневной русской речи ОРД), которые созданы и активно разрабатываются в Санкт-Петербургском государственном университете.

При разработке САТ его создатели пользовались методами *полевой лингвистики*, противопоставленной лингвистике «кабинетной». Источниками этой последней «являются либо языковая интуиция самого исследователя, являющегося носителем изучаемого языка или, по крайней мере, хорошо им владеющего, либо обширный корпус текстов на изучаемом языке, о котором опять же известно достаточно много для того, чтобы изучать его без обращения к суждениям его носителей» (*Кибрик А. Е. 2007*) Для изучения

---

⁶ Подробнее о корпусе ОРД см.: *Русский язык...* 2016; *Bogdanova-Beglarian et al. 2016 a, b*; *Богданова-Бегларян и др. 2019б*.

спонтанной речи исследователи привлекают *информантов* – «неискушенных носителей языка», которые «являются посредниками между исследователем и языком». Путем метода активного целенаправленного интервьюирования по определенной программе лингвисты получают от информантов тот или иной речевой продукт (*Звуковой корпус...* 2013: 69). Таким образом, САТ представляет собой «массив живых текстов на русском языке, у которых есть ряд общих и ряд различных черт и которые могут быть материалом для самых разных исследований». Это «*собрание текстов* (выделение авторов. – А. Б.) в виде магнитных (и в основном оцифрованных) записей и их орфографических расшифровок». Создателей САТ интересует «только *бытовой спонтанный монолог*, характеризующийся неподготовленностью, непринужденностью, неофициальностью и необязательным участием говорящего в акте коммуникации» (*там же*: 70-71).

Корпус САТ содержит различные типы устных текстов, представленных в русском языке, и разметку – *синтаксическое пунктирование текстов* (выделение в ходе специального эксперимента по пунктированию единиц описания, соотносимых с традиционным предложением), *интонационную* (расстановка пауз разного типа) и *паралингвистическую*. Наличие разметки и «отличает корпус от простых коллекций (или “библиотек”) текстов» (*Звуковой корпус...* 2013: 70-72).

САТ обладает балансировкой трех типов: лингвистической, социолингвистической и психолингвистической. *Лингвистическая* балансировка материала «необходима для того, чтобы исследованию подвергался достаточно однородный материал». Заключается она в том, что «все тексты, составляющие данный блок, построены в рамках комплекса коммуникативных (речевых) сценариев, более или менее типичных для нашей повседневной бытовой речи» (*там же*: 73-77). *Социолингвистическая* балансировка материала заключается в «изначальном подборе информантов с разными социальными характеристиками» (место рождения и наиболее длительного проживания, пол, возраст, уровень образования, профессия,

уровень речевой компетенции место рождения родителей, их профессия, уровень образования и речевой компетенции) (*Звуковой корпус...* 2013: 93-95). *Психолингвистическая* балансировка предполагает учет корреляции особенностей речи человека с факторами самого человека и ситуации. В САТ она заключается в «подборе информантов с разными психологическими характеристиками», то есть разными психологическими типами и темпераментом (*там же*: 115-120).

Для того чтобы лучше понять состав корпуса САТ, стоит подробнее остановиться на понятии *речевого сценарий*. Сценарий – это «концептуальная структура для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» (*Баранов* 2001: 17). Можно сказать, что «сценарий существует как модель развертывания речи, как план возможных или обязательных речевых действий для той или иной ситуации общения» (*Звуковой корпус...* 2013: 76). Сценарии используются как инструменты изучения звучащей естественной речи и процессов ее порождения. С помощью *сценария* можно легко описать различные коммуникативные ситуации, в которых проходит повседневная речевая деятельность человека (*там же*).

В САТ входят монологи, созданные по четырем сценариям: *чтение* и *пересказ* (сюжетный и несюжетный исходный текст), *описание изображения* (сюжетное и несюжетное) и *свободный рассказ на заданную тему*. В настоящей работе анализируются монологи, построенные по последнему сценарию.

1.3. Монологический тип речи

1.3.1. Монолог vs диалог

Прежде чем подробнее остановиться на каждом из сценариев, обратимся к специфике устного *монолога*.

Многие исследователи подчеркивают диалогическую природу любой устной речи, так как для нее характерно непосредственное участие говорящих в речевом акте. Адресат (как реальный, так и виртуальный) –

неотъемлемая часть коммуникации, даже если в качестве адресата выступает сам говорящий. Этот факт обуславливает преобладание диалогического типа текста в устной речи⁷, а монологический тип представлен в виде развернутых реплик диалога и рассказов на бытовые темы (о прочитанной книге, увиденном фильме и т. д.) (*Звуковой корпус... 2013: 78*).

О. Б. Сиротина привязывает монологический тип текста к письменной речи: «письменная речь преимущественно монологическая (диалог записок встречается редко, а в художественной литературе диалог – стилизация устной речи)» (*Сиротина 1969: 381*). «Но и она, и многие другие отмечают, что речевой жанр бытового рассказа представлен именно монологическим типом текста (см.: *Земская 1973, 1988; Бахтин 1979; и др.*)» (*Звуковой корпус... 2013: 79*).

И. П. Амзаракова считает, что устный спонтанный монолог существует только как развернутая реплика диалогической речи, которая не теряет смысла при изъятии из диалога, но все-таки не может жить самостоятельно (*Амзаракова 1985: 5*). По мнению других исследователей, монолог играет в устной спонтанной речи не меньшую роль, чем ее диалогическая форма. Например, В. В. Виноградов считает, что «монолог – это особая форма стилистического построения речи, тяготеющая к выходу за пределы социально-нивелированных форм семантики и синтагматики» (*Виноградов В. В. 1963: 21*). Многие лингвисты склонны выделять монолог в отдельный вид устной речи (см.: *Земская 1973; Канакова 1984; Скребнев 1984; Моисеева 1998; Семенов 1998; и др.*).

Есть все основания утверждать, «что устный спонтанный монолог является одной из реальных разновидностей разговорной речи» (*Звуковой корпус... 2013: 79*). Для него характерны типичные для спонтанной речи способы организации текста (самоперебив, самокоррекция, наличие

---

⁷ Ср.: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...» (*Бахтин 1979: 241*).

незаконченных высказываний, звуковое или словесное заполнение пауз (гезитации), которые объясняются линейностью протекания устной речи. Кроме того, благодаря характерным лингвистическим особенностям, присущим монологу (построение текста, интонационное оформление высказывания), он в некоторой степени противопоставляется диалогу и при этом сближается с кодифицированным литературным языком (прежде всего, ввиду его синтаксических особенностей: довольно значительная длина в словах синтаксических конструкций и более сложная структура этих конструкций по сравнению с диалогической речью).

При выделении устного монолога как вида спонтанной речи исследователи опираются на его текстовую организацию: он обладает такими текстовыми категориями, как *цельность* и *связность* (*Звуковой корпус...* 2013: 79-81). «Монолог – это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих. Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке» (*Щерба* 1957б: 115). Монолог отличается *внутренним замыслом*, который и обуславливает его текстовую организацию. Монолог и диалог различаются также с *формальной* точки зрения: монолог имеет четкую структуру (начало, середина и конец), а диалог не имеет цельности, он политематичен (*там же*: 82-83). Наконец, одним из главных различий является *движение* монолога и диалога. Монолог принадлежит только его автору, замысел рождается только в сознании говорящего. В диалоге же существует два замысла – у говорящего и у слушающего. Замыслы находятся в *конкуренции* между собой и могут совпадать (согласие участников коммуникации) или не совпадать («конкуренция» участников коммуникации). Последним различием является *цель* монолога и диалога, которую «можно определить следующим образом: монолог реализует прежде всего информативную функцию, а диалог – фатическую, экспрессивную и, в меньшей степени, информативную» (*там же*: 83-84).

Для настоящей работы оказалось очень важно уточнить различия между диалогом и монологом. В названии заявлено, что материалом для исследования служат монологи-рассказы на неродном для говорящих, т. е. русском, языке. Однако анализ материала выявил большое количество неоднозначных примеров. Приведем следующий фрагмент «монолога» одного из информантов (в квадратных скобках приведены слова экспериментатора, записывающего речь):

- [(?) здесь / пожалуйста Габриелла]
- *В (м-м) // *П
- [что вам понравилось в России ?]
- *П вообще(:) / мне очень / нравится / еда / в России // *П и(:) // *П мне нравится погода / хотя(:) / (э) / у меня // *П (м-м) // *П я *П предпочитаю / *П (э-э) / цвет // *П больше света // *П *В и(:) // *П (э) / я не знаю / (э) // *П я живу в общежитии // *П и(:) *П всё нормально / всё прекрасно / в общежитии // *В (э-э-э) *П (м-м) *П
- [вы не будете переезжать в квартиру?]
- *П *В да / я(:) / *П пере(:) *П (э-э) / еду // (м)
- [перееду]
- перееду // (а-ам) *В в квар... квартиру //
- [нашли уже квартиру ?]
- что ?
- [нашли квартиру ?]
- *В да // я нашла () квартира // (а-а) / с(:) *П подругой // *П и(:) *П это(:) / *П чуть-чуть дорого // *П но(:) *П (э) / я думаю / что(:) / *П всё будет / хорошо // *П (эм) *П *В не знаю / квартиры находятся(:) / *П очень / близко(:) / *П (э-э) / Невского проспекта // *П (э) / около Невского проспекта / и(:) / *П (э-э) *П около метро / *П «Маяковская» / *П (э)
- [вы сказали дорого / а сколько дорого ? //]
- *В (ам) *П это(:) / *П где-то / *П (а) четыреста(:) / *П на месяц // *П (И1b)⁸.

---

⁸ Знак *П в расшифровках звучащего материала обозначает хезитационную паузу, *В – шумный вдох, (а-а), (э-э), (э), (ам) и под. – невербальные хезитации (неречевые звуки), (:) – затяжка звука внутри слова, () – заминка. Все примеры в работе атрибутируются с указанием номера информанта (И1, И2...). Буква *b* рядом с номером информанта означает базовый уровень его владения русским языком, буква *a* – средне-продвинутый уровень. Подробнее о составе информантов см. раздел 2.1 настоящего исследования.

Формально перед нами диалог, но можем ли мы анализировать данный пример наряду с монологом?

Важно напомнить, что типология в настоящем исследовании строится на живом материале, полученном от информантов с разным уровнем владения языком. Перед нами монолог человека, который только начинает овладевать языком и испытывает большие трудности при создании связного текста. В этой ситуации экспериментатор пытается помочь информанту и задает вспомогательные вопросы, которые несколько облегчают процесс порождения монолога. Конкурируют ли между собой замыслы говорящего и слушающего, как это происходит в диалоге? Представляется, что в данном примере не приходится говорить о какой-либо конкуренции, экспериментатор, наоборот, действует в интересах информанта и пытается помочь придать тексту некоторую связность и структурированность (см.: Казак 2015: 14). Реплики экспериментатора являются своеобразной «обратной связью» и помощью в создании текста. Здесь можно наблюдать так называемый *backchannel* – «продолжение конструкции, начатой одним говорящим, в речи его собеседника», то есть происходит «построение одного дискурса усилиями двоих говорящих» (Богданова-Бегларян 2017: 20). При этом второй собеседник дает обратную связь в определенный момент реплики первого собеседника, *transition relevance place* (TPR) или, в переводе Л. А. Гренобль, – в «точке перехода» (Cathcart et al. 2003: 52; Гренобль 2008: 26). Причем «обратная связь» может проявляться по-разному: как паузами, паралингвистическими явлениями и неречевыми звуками (Cathcart et al. 2003: 51), так и единичными словами или фразами и целыми предложениями (Clark, Schaefer 1989: 291). В монологе на неродном языке экспериментатор находит эту «точку перехода» в моментах, когда информант испытывает затруднение в построении монолога или совершает ошибку, которую пытается исправить, но не может (см. п. 2.9 настоящего исследования).

Таким образом, контекст, который формально выглядит как диалог, не стоит «сбрасывать с парохода исследования» – вместо этого необходимо

рассматривать реплики информанта как монологические развернутые реплики диалога, реплики монологического типа, и исследовать их наряду с монологами более опытных в построении связного текста информантов.

1.3.2. Типология спонтанных монологов

Выше уже упоминалось, что в состав корпуса САТ входят монологи, построенные по четырем речевым сценариям: *чтение* и *пересказ* (сюжетный и несюжетный исходный текст), *описание изображения* (сюжетное и несюжетное) и *свободный рассказ на заданную тему*.

Чтобы лучше понимать различие между этими сценариями, поговорим подробнее про такое понятие как *мотивированность*. «*Мотивированность* – это зависимость лингвистических характеристик вторичного (порожденного) текста от характеристик некоторого первичного, ставшего причиной его появления, давшего языковой материал для порождения нового текста» (Богданова, Бродт 2007: 35). Первичным текстом может стать другой текст (предтекст) – для чтения или пересказа, изображение, зрительный ряд – для описания, или вопрос экспериментатора, задающий тему свободного монолога. «На этом фоне спонтанность может рассматриваться как степень импровизации говорящего в процессе порождения речи, степень его свободы в выборе языковых средств и соответственно свободы вторичного текста от характеристик первичного» (там же: 36). Соотношение мотивированности и спонтанности влияет «на все лингвистические признаки спонтанного текста и является обратно пропорциональным: максимум мотивированности дает минимум спонтанности, снижение мотивированности приводит к возрастанию степени спонтанности речевого произведения, вплоть до ее максимальных показателей в свободном рассказе на заданную тему» (там же). Описанную зависимость можно проследить на следующей схеме (см. рис. 1) (Хан 2013: 39).

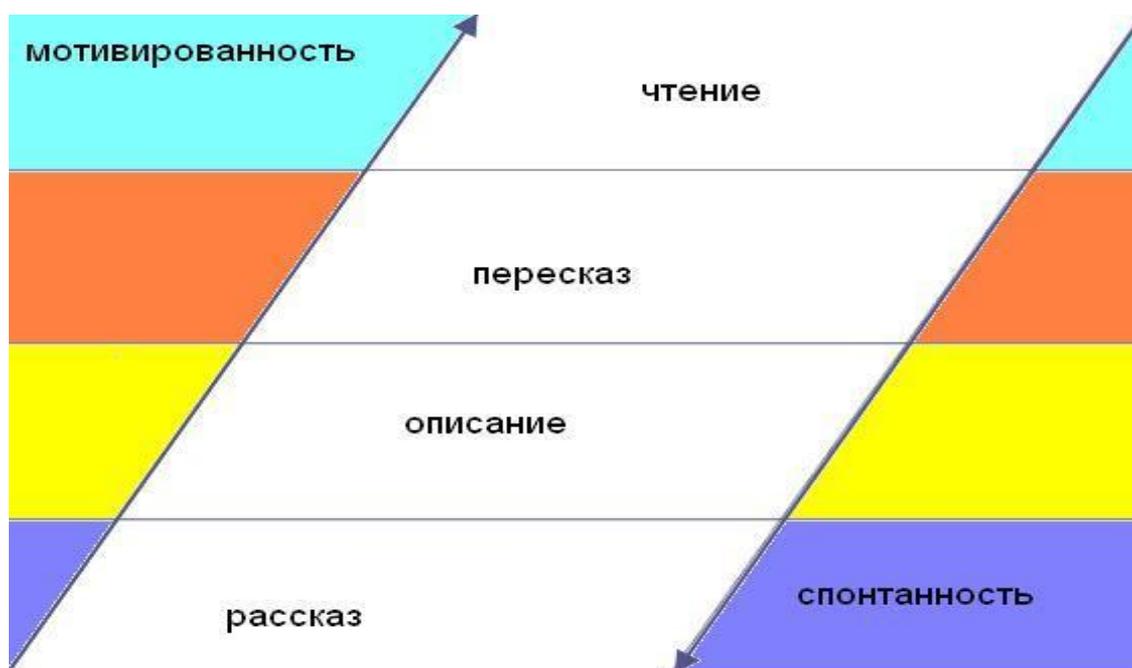

Рис. 1. Взаимозависимость лингвистической мотивированности и спонтанности монологического текста

Дополнительным фактором, влияющим на сложность монолога и выбор говорящим тех или иных речевых средств, является *сюжетность-несюжетность* предтекста или зрительного ряда и *степень знакомства* говорящего с темой свободного монолога.

Коммуникативным сценарием с наибольшей степенью мотивированности и наименьшей степенью спонтанности является *чтение*. Этот процесс состоит из техники чтения – умений, которые обеспечивают перцептивную переработку письменного текста – и понимания прочитанного (*Звуковой корпус...* 2013: 151; см. также о неподготовленном чтении как типе устного спонтанного монолога (в том числе на материале русской речи нерусских): *Степихов* 2002, 2003; *Сапунова* 2009а; *Хан* 2012, 2013; *Баева* 2018; *Чэн Чэнь* 2016, 2017, 2018; *Богданова-Бегларян, Кун Чунься* 2020; *Богданова-Бегларян* 2021а; *Кун Чунься* 2021 а, б; *Kong Chunxia* 2021.

Одним из самых сложных коммуникативных сценариев является *пересказ* (особенно опирающийся на *несюжетный* предтекст) (*Звуковой корпус...* 2013: 89). Во-первых, как можно видеть на рисунке 1, такой монолог характеризуется высокой степенью лингвистической

мотивированности: он имеет жестко заданную первичным текстом структуру. В то же время он обладает низкой степенью спонтанности, так как говорящий пытается воспроизвести предтекст по памяти. Наконец, для создания монолога говорящему требуется произвести довольно серьезную предварительную работу с текстом: вычленив основные смыслы, сжать текст и т. д. (*Звуковой корпус...* 2013: 214-215). О пересказе как типе устного спонтанного монолога (в том числе на материале русской речи нерусских) см. также: *Куканова* 2009; *Малиновская* 2012; *Хан* 2013; *Чэн Чэнь* 2018; *Капустина* 2020.

Пожалуй, самым интересным сценарием является *описание изображения*: с одной стороны, описание достаточно сильно мотивировано первичным текстом и ограничено тематически, с другой – обладает достаточно высокой степенью спонтанности. Из-за отсутствия жесткой структуры, которая присутствует в пересказе, описание одного и того же изображения, в зависимости от цели, которую ставит перед собой информант, реализуется по-разному (*Звуковой корпус...* 2013: 354; см. также о неподготовленном монологе-описании как типе устного спонтанного монолога (в том числе на материале русской речи нерусских): *Филиппова* 2010; *Суббота* 2011; *Чэн Чэнь* 2018; *Богданова-Бегларян, Се Жоу* 2021). Описание несюжетного изображения, наряду с пересказом несюжетного текста, является одним из самых сложных коммуникативных сценариев, причем как у носителей языка, так и у инофонов (*Чэн Чэнь* 2018: 80).

Свободный рассказ обладает минимальным уровнем лингвистической мотивированности и максимальным уровнем спонтанности и считается самым легким коммуникативным сценарием как для носителей языка, так и для инофонов (*там же*). Однако, несмотря на то что этот сценарий вызывает у иностранцев наименьшие трудности, объем монологов получается не таким большим, как можно было ожидать (*там же*: 41). О монологах-рассказах на русском языке как неродном см. также: *Метлова* 2013, 2015; *Казак* 2015; *Зайдес* 2016, 2017; *Замковец* 2019.

Как уже отмечалось во введении, в монологе-рассказе инофоны могут максимально полно показать уровень своего владения языком, не ограничивая себя исходным текстом или изображением (только темой рассказа). Именно поэтому данный коммуникативный сценарий больше других подходит для исследования ошибок в речи на неродном языке.

1.4. Выводы по главе

Анализ научной литературы показывает, что устная спонтанная речь, во-первых, является интересным материалом для лингвистического анализа. В настоящей главе были рассмотрены разные подходы к определению спонтанности и неподготовленности устной речи, подробно рассказано про корпус САТ и особенности диалогической и монологической речи, описана типология спонтанных монологов.

Во-вторых, не вызывает сомнений тот факт, что корпус САТ прекрасно подходит для изучения ошибок в речи инофонов. Поиск ошибок в настоящей работе, как упоминалось в п. 1.3.2, будет производиться на материале монологов-рассказов на свободную тему, так как именно при создании монолога такого типа инофон может наиболее полно показать свой уровень владения русским языком.

ГЛАВА 2

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В МОНОЛОГЕ-РАССКАЗЕ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ

2.1. *Материал и методика исследования*

2.1.1. **Источник материала**

Источником материала для настоящего исследования, как уже отмечалось в первой главе (см. п. 1.2), послужила «Сбалансированная аннотированная текстотека». В работе было проанализировано 8 монологических текстов, записанных от информантов-американцев с разным уровнем владения русским языком: 4 информанта с базовым уровнем и 4 – со средне-продвинутым уровнем⁹. В примерах информанты с базовым уровнем владения обозначены буквой *b*, а со средне-продвинутым – *a*. Все информанты – девушки-студентки, которые учили русский язык или 1-2 года в США и один семестр в России (базовый уровень), или 2-3 года в США и один семестр в России (средне-продвинутый уровень).

Запись монологов производилась на устном экзамене по русской практической фонетике, что позволяет, с некоторой долей условности, отнести эти монологи к категории лабораторной речи (см. п. 1.1). Таким образом, спонтанная речь информантов характеризуется первой (низшей) степенью естественности, в ней можно ожидать проявление стресса и «давления» на информанта внешних условий.

Анализируемый материал представлен в псевдоорфографическом виде, с простейшей интонационной разметкой материала, с сохранением всех примет спонтанности (обрывы слов и синтаксических конструкций, повторы, элементы самокоррекции, ошибки и проч.) и паралингвистических элементов звуковой цепи (кашель, смех, вздохи и под.).

---

⁹ Конечно, хотелось бы самостоятельно определить уровень владения русским языком (РЯ) по системе ТРКИ, однако мы указываем уровень, приведенный экспериментатором, который записывал и расшифровывал монологи информантов-американцев (подробнее см.: *Метлова* 2013).

2.1.2. Методика исследования

Для настоящей работы важно отметить, что в ее основе не лежит никакой готовой типологии, которую можно было бы наложить на корпусный материал, чтобы увидеть, как она в нем реализуется. Анализ строится на основе реального материала, в котором выявляются все возможные ошибки, и делается попытка их систематизации. То есть исследование построено не «сверху вниз», от теории – к практике, а «снизу вверх», от практики – к теории. Такой подход дает возможность создать что-то новое, увидеть то, что другие исследователи, возможно, упустили.

Обратимся к следующему вопросу, требующему специальной оговорки. Для появления ошибки в речи инофона возможны следующие причины: недостаточное владение русским языком, межъязыковая интерференция и специфика устной речи, то есть ее неподготовленность, спонтанность (см., например, об этом: *Богданова-Бегларян 2021б; Богданова-Бегларян, Кун Чунься 2021*)¹⁰. Ошибка может также являться неудачной попыткой выйти за рамки своего уровня, и единственной методической рекомендацией по исправлению ошибок в таком случае может быть лишь повышение уровня владения языком. Для того чтобы разграничить ошибки, обусловленные пробелами в знаниях, спецификой спонтанной устной речи и недостаточным уровнем владения языком, в настоящей работе используются учебники, словари, «Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному» (*Государственный образовательный стандарт 1999, 2001*) и, конечно, лексические минимумы для соответствующих уровней ТРКИ (*Лексический минимум... 2019 а, б*).

Стоит упомянуть также о том, что иногда при работе с материалом возникают сомнения в том, стоит ли доверять расшифровщику: правильно ли

---

¹⁰ Ср. также: «С точки зрения методики преподавания языков и психолингвистики ошибки дифференцируются на основании причин, по которым они возникают. Одну группу представляют ошибки (англ. errors), обусловленные незнанием некоторого аспекта языковой системы. Вторая группа – это ошибки, связанные с временным ослаблением внимания и контроля над речью в процессе речевой деятельности» (*Тезекбаева 2011: 77*).

он распознал и указал в расшифровке тот или иной звук, правильно ли слышал слово? Однако анализ звукозаписей, то есть слуховой анализ, не входил в задачи исследования, а потому было решено доверять расшифровщику.

В работе одни и те же контексты будут приведены по несколько раз, так как в одном контексте обычно содержится несколько ошибок. Это сделано для удобства подсчетов: каждая новая ошибка анализируется отдельно, под своим номером.

2.2. «Простительные» и «непростительные» ошибки

Перед тем, как описывать ошибки по уровням языка, введем параллельную рабочую типологию «простительных» и «непростительных» ошибок. «Простительными» ошибками признаются те, которые информант совершает, потому что еще не знаком с теми или иными фонетическими, словообразовательными, лексическими или грамматическими правилами языка. То есть слово, в котором сделана ошибка, отсутствует в лексическом минимуме, соответствующее требование не прописано в Государственном стандарте. Если информант знаком (или должен быть знаком) с правилами и лексикой, но все же делает ошибку, она будет признаваться «непростительной». Каждая ошибка будет помещена в одну из этих групп, так мы сможем понять, каких ошибок больше в пользовательском подкорпусе. Такое деление представляется важным для практики РКИ и для оценки качества речи конкретного студента.

2.3. Фонетические ошибки

В связи с тем что анализ материала производился исключительно на основе расшифровок корпусного материала, круг фонетических ошибок, которые удалось выявить, оказался крайне мал. Неправильное произношение звуков, естественно, не отражено в расшифровках, и, так как слуховой анализ не входил в круг задач настоящего исследования, такие ошибки не попали в сферу нашего внимания. Представляется, что анализ подобных ошибок

заслуживает отдельной работы, так как, безусловно, является очень важным аспектом исследования устной речи на неродном языке.

Рассмотрим примеры выявленных фонетических ошибок информантов с базовым уровнем ТРКИ (b):

- 1) *В обычно у нас / *П (м) бесплатный / *П интернет / *В в общежитии / и(:) / *В (э) / везде // но (э) здесь **трудне*** / и(:) / *В (эм) *П мне / *П (э) *В обычно нужно использовать интернетом в ... / *П кафе (И1b)¹¹;
- 2) мне нравится погода / хотя(:) / (э) / у меня // *П (м-м) // *П я *П предпочитаю / *П (э-э) / **цвет** // *П больше света // *П *В и(:) // *П (э) / я не знаю / (э) // *П я живу в общежитии (И2b);
- 3) это ресторан *П *ц Невский проспект / *П (ам) *П называется / я забыла как по-русски / *В но(:) по-английски называется *Welby bar* *П очень вкусны(:)й (ээ) *П вс... **штейк** *П и (ээм) *П здесь (э) продают (ээ) кальян (И5b);
- 4) я была(:) *П ну / в Санкт-Петербурге // *П Москве(:) // *П в Пскове / и в Изборске // *П Изборске (И6b).

Любопытно, что в корпусном материале не встретилось ни одной акцентологической ошибки. Вероятно, это обусловлено условиями записи (студенты боялись ошибиться на экзамене и выбирали только те слова, в произношении которых они были уверены).

Контекст (2) показывает, что к появлению фонетической ошибки может привести, например, сходство звукового облика двух слов (*свет* – *цвет*). Здесь стоит также обратиться к лексическому минимуму базового уровня владения РЯ (*Лексический минимум...* 2019а) и «Частотному словарю современного русского языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (*Ляшевская, Шаров* 2009). Оба слова (*свет* и *цвет*) есть в этом лексическом минимуме, но слово *свет* в русском языке гораздо частотнее, чем *цвет*: его IPM (*instances per million words*, т. е. число употреблений на миллион слов корпуса) составляет 359.7, в то время как IPM слова *цвет* – 163.6, в 2 раза меньше.

---

¹¹ Повторим, что знак *В в расшифровках звучащего материала означает шумный вдох, *П – паузу хезитации, (*) после слова – ошибочное произнесение любого типа (*трудне**), (:) – растяжка звука, возле которого (без пробела) стоит этот знак (*и(:), хотя(:), была(:), вкусны(:)й*). Подробнее о знаках расшифровки спонтанных монологов американцев см.: *Метлова* 2013.

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что информант попросту оговорился¹². Именно поэтому за ошибкой сразу же (практически в режиме онлайн¹³) следует ее исправление. Кроме того, звук /ц/ гораздо сложнее для произнесения, чем звук /с/, и это тоже могло послужить причиной фонетической ошибки.

Пример (3) показывает, что ошибка может быть допущена из-за того, что отдельные звуки в слове заменяются на похожие (*штейк – стейк*: /с/ и /ш/ – шумные, щелевые, глухие, переднеязычные).

Пример (4) демонстрирует, что иногда ошибка допускается в результате неправильной коррекции (*антикоррекции*): говорящий думает, что допустил ошибку, и исправляет себя, тем самым действительно ошибаясь.

Интересным и не до конца понятным представляется следующий пример (5):

5) *мне понравился(:) *П ну понравил... *П тав *П понравился(:) *П дом дураков / это новый фильм // *П о(:)й *П войне / *П ну *П очень *П серьезный фильм (Ибб).*

Информант растягивает предлог *о*, чтобы дать себе время вспомнить, о чем был фильм, и в конце этой растяжки появляется звук (а скорее, призвук) /й/, после призвука следует еще одна пауза. Возможно, он там появился из-за похожего звука в слове *война*. Возможно, на это *о* неосознанно наложилось междометие *ой*. Возможно, это случайно «выскочивший» звук, и сам информант не понял, откуда он там появился, так как сразу после него информант останавливается и делает хезитационную паузу (*П). Трудно наверняка установить причину подобной ошибки, но над примерами такого типа, безусловно, интересно размышлять. Важно помнить, что однозначной интерпретации устная спонтанная речь почти никогда не

---

¹² Такие оговорки, вызванные фонетическим сходством слов, свойственны и речи на родном языке, см., например: *Завадская, Богданова-Бегларян 2019*.

¹³ О двух типах стратегии исправления говорящим ошибки или оговорки в ходе устного речепорождения – онлайн- и оффлайн-коррекции – см., например: *Кибрик А. А., Подлесская 2005; Подлесская, Кибрик А. А. 2007*, а также раздел 2.11 настоящего исследования.

поддается, и иногда меньшей ошибкой следует признать отказ от такой интерпретации, чем попытки найти точный ответ на этот вопрос.

Теперь обратимся к фонетическим ошибкам студенток средне-продвинутого уровня (а).

б) *может быть это не(:) / дело не в том / понравилось ли / не понравилось / но *П *В э-э) / что касается /моих ожиданий (И3а).*

В контексте (б) информант «потерял» начальный звук союза *или*¹⁴. Вероятно, это случилось потому, что информанты более высоких уровней стараются повышать темп речи, и из-за высокой скорости появляются фонетические ошибки.

7) *там / всегда солнце / и всегда(:) / *П (эм) крокодилы / *П да / *С да / крокодилы тоже / *В но (эм) / сяс трудно мне жить / без солнца (И7а).*

Это интересная фонетическая ошибка, потому что информант произносит слово *сейчас* как носители языка, с сильной редукцией: *щас*, но заменяет сложный для произнесения звук /щ/ на /с/.

8) *а во Флориде вы в каком городе живете / не в Санкт-Петербурге? // нет / *С *П (ам) наоборот / (эм) штате над / (ам) *П восточном берегу (И7а).*

Эта ошибка попадает в категорию фонетических, а не морфологических, потому что представляется маловероятным, что информант решил использовать вместо предлога *на* предлог *над*, скорее всего, это фонетическое нарушение.

9) *что мне не нравится / (ам) *ц наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт (И8а).*

Причину возникновения этой ошибки очень легко объяснить: информант допустил ее из-за влияния межъязыковой интерференции, то есть вставил в русское слово звук родного языка (фактически произнес это слово по-английски).

---

¹⁴ Возможно, этот контекст стоило отнести к группе лексических ошибок: информант вместо союза *или* использует вопросительную частицу *ли* (из-за схожего фонетического облика слов). Безусловно, студентка знакома и с союзом, и с частицей, и трудно представить, что информант, владеющий языком на уровне ТРКИ-2, совершает такую ошибку.

- 10) *наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт // *В потому что здесь *В всегда будет **чень** долго / чтобы *П поедь куда-нибудь (И8а).*

В примере (10) информант пропускает начальную гласную в слове *очень*. Вероятно, это произошло из-за того, что информанты средне-продвинутого уровня стараются повысить темп речи, и допускают подобные ошибки.

- 11) *автобус / по-моему может быть / будет / *П двадцать мун... минут или больше(:) / перед тем / как ещё автобус придёт (И8а).*

В этом контексте информант допускает ошибку, но обрывает слово и сразу исправляет ее.

- 12) *это просто (э) не кухня / у нас / *П **неть** / (м) *П не знаю / как называется по-русски / как вещь / в которой можно // *П **готовит** (И8а);*

- 13) *это просто (э) не кухня / у нас / *П **неть** / (м) *П не знаю / как называется по-русски / как вещь / в которой можно // *П **готовит** (И8а).*

В примерах (12)-(13) информант добавляет мягкость там, где ее быть не должно (*неть*), и убирает там, где она должна быть (*можно готовит*). Слово *нет* и конструкция *можно + инфинитив* информанту хорошо знакомы, причина ошибки, вероятно, кроется опять же в достаточно высоком темпе речи, при котором ослабляется контроль за фонетикой.

Все фонетические ошибки попадают в разряд «непростительных», потому что произносительным нормам иностранцы учатся на элементарном уровне владения РЯ.

2.4. Словообразовательные ошибки

Этот тип ошибок практически не встретился в пользовательском подкорпусе, во многом потому, что инофоны, в речи на неродном языке, редко проявляют словотворческую инициативу (речевую креативность), особенно на низких уровнях владения языком¹⁵. К ошибкам такого типа в материале пользовательского подкорпуса можно отнести, например, *ошибочную редупликацию*.

---

¹⁵ См. об этом, например: *Богданова-Бегларян 2021в*.

Редупликация (Р) – это повтор, удвоение корня, основы или целого слова, для русского языка как флективного языка синтетического строя наиболее характерна редупликация, при которой повторяются целые слова. «Соотношение между формой и содержанием редуплицированных единиц очень сложное и чаще всего неравномерное. Равенство формы и содержания встречается очень редко. Это случаи типа *чуть-чуть, еле-еле* и т. п., то есть узуальные редупликаты, в которых формальное удвоение влечёт за собой удвоение семантическое (количественное). <...> Повтор лексической единицы, в результате которого оба повторяющихся элемента тесно сливаются, служит усилению признака или действия, а также передаче о нём информации более ёмко» (*Саньярова, Балмагамбетова 2019: 297-300*). Давно замечено, что материал естественной устной речи на разных языках демонстрирует необходимость расширить понятие редупликации, зафиксированное в лингвистическом словаре (*Виноградов В. А. 1990: 408*), поскольку это явление не всегда ограничивается удвоением начального слога (частичная Р.: в англ. яз. – *cocoa*) или целого корня (полная Р: в англ. яз. – *grugru, gaga*) или предельным случаем Р – удвоением всего слова (*еле-еле, белый-белый*) (*там же*). Зачастую в литературе фиксируется именно изменение начальных звуков первого компонента редупликата (см., например: *Янко-Триницкая 1968, Минлос 2002, Крючкова 2004, Цуй 2006, Ягинцева 2009, Рожанский 2010*). О лексических единицах-редупликациях, а также обзор соответствующей литературы на материале русского языка его носителей см., например: *Попова 2015, 2016, 2017*.

Обратимся к единственному в подкорпусе контексту с редупликацией:

- 14) *еда конечно / *В в России / очень вкусный // *В (а-а) *Ш особенно / *В блины // *В *Н *П (а-а) *П и(:) / особенно-особенно блины со сметаной (I1b).*

С одной стороны, редупликацию нельзя с уверенностью признать речевой ошибкой, поскольку ею часто пользуются и носители языка (см. литературу выше). Однако этот речевой прием представляется

жизнеспособным, только когда в значении слова отсутствует семантика предельности, ведь удвоение добавляет значение интенсивности. Зачастую можно подставить вместо удвоения наречие *очень*, например: *белый-белый – очень белый*. Обратимся к толковому словарю. В приведенном контексте (14) реализуется следующее значение слова *особенно*: «Главным образом, преимущественно, в особенности (разг.)» (Ушаков 1935-1940). Наречие *особенно* уже выражает максимальную степень, вместе него можно подставить словосочетание *больше всего*. Поэтому Р в данном случае воспринимается носителем как ошибка. Кроме того, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru>) отсутствуют примеры употребления подобного редуликата, что лишь подтверждает справедливость отнесения данного употребления к разряду ошибок.

В примере (14) имеем дело с «простительной» ошибкой, так как в Государственном стандарте базового уровня отсутствует требование к усвоению обучающимся подобного способа словообразования.

Отметим, что в материале исследования встретилась всего одна чисто словообразовательная ошибка, которая принадлежит информанту базового уровня.

2.5. Лексические ошибки

Для того чтобы адекватно описать лексические ошибки в монологах информантов, были использованы, во-первых, лексические минимумы для иностранцев (*Лексический минимум...* 2019а), во-вторых, – «Частотный словарь современного русского языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (*Ляшевская, Шаров* 2009) и, наконец, два толковых словаря: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (*Ушаков* 1935-1940) и «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (*БТС* 2014). С опорой на эти справочные пособия при анализе материала была сделана попытка установить причины, по которым была допущена та или иная конкретная лексическая ошибка.

В группе лексических ошибок удалось выделить следующие подгруппы: (1) замена слова *по звуковому сходству*, (2) замена слова *по семантическому сходству*, (3) замена слова *под влиянием межъязыковой интерференции*; (4) *нарушение лексической сочетаемости*, (5) *необоснованный эллипсис*, приводящий к неправильному выбору слова, и (6) группа *лексических аномалий*. Рассмотрим каждую из подгрупп подробнее.

2.5.1. Ошибки из-за близости фонетического облика слов

Эту группу ошибок сложно отделить от фонетических, поскольку в основе обеих групп лежат фонетические трудности говорящих на неродном языке. Однако в группе фонетических ошибок эти трудности являются *результатом* каких-то сложностей, в то время как в данной группе фонетические трудности являются *причиной* появления ошибки: у говорящего в голове (в его ментальном лексиконе¹⁶) есть образ слова, его значение, и от этих данных он отталкивается. Пытаясь подобрать из своего словарного запаса (индивидуального ментального лексикона) подходящую единицу, говорящий «натывается» на похожее по звучанию слово, решает, что нашел то, что надо, и использует эту единицу в речи. Фонетическая близость искомого слова и найденного и приводит к ошибке, ср.:

---

¹⁶ Под *ментальным лексиконом* понимается, как минимум, словарный запас конкретной языковой личности, а как максимум – «сложная многоярусная система пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека» (Залевская 1990: 87–88), или, иными словами, ««словарь в голове» индивида, функционирующий в соответствии с закономерностями психического развития человека – носителя языка и культуры» (Золотова 2005: 3). Очевидно, таким образом, что «ментальный лексикон определяется не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний об окружающей действительности. А значит, этот лексикон принципиально различен у разных людей и в целом не совпадает со словарем языка» (Богданова 2011: 57). В последнее время изучение ментального лексикона, его устройства и функционирования, выдвигается на первый план, оказываясь на пересечении интересов лингвистики и психологии. Ср. еще одно определение: *ментальный лексикон* – это «сеть, в которой каждое слово связано со всеми другими» (Караулов 1987: 85). Идею сетевой организации ментального лексикона развивают также Г. Киш, Дж. Андерсон и многие другие исследователи. Исследования ментальных лексиконов посвящены прежде всего «выяснению принципиальных вопросов: как извлекаются из памяти слова, как они в ней репрезентированы и организованы; как взаимодействуют лингвистические и психологические факторы при формировании репрезентации лексического знания и обеспечении лексической обработки в реальном времени» (Глазанова 2001: 7-8). В практике преподавания РКИ все эти моменты нужно непременно учитывать.

- 15) – [хорошо / вы сказали что вам не нравится жить в общежитии / а в Америке вы жили в общежитии?]
 – да / *П но(:) *П та(:)м нет *П (аам) *П **незнакомых** *П
 – [да? / нет?]
 – **ыгы** / или(:) *П **травм** // *П
 – [а / насекомых]
 – да / **насекомых нет там** // *В (э) **здесь** *П **есть много** // *В *С *П да
 (И6b).

Говорящий совершает лексическую ошибку, основанную на сходстве звучания двух слов. Ни *насекомых*, ни *незнакомых* нет в лексическом минимуме (*Лексический минимум...* 2019a), но оба слова, судя по всему, знакомы информанту. По данным «Частотного словаря», ИРМ слова *незнакомый* – 47.5, а слова *насекомое* – 17.1. Не удивительно, что информант допустил ошибку: слово *незнакомый* встречается в РЯ почти в три раза чаще, чем *насекомое*. Экспериментатор, догадавшись (не сразу) о причинах ошибки, исправляет информанта, тем самым помогая ему продолжить построение монолога («простительная» ошибка).

- 16) [а в Висконсине нужна зимняя обувь? //] *П (э) **да(:)** / **очень нужна** / *С / **хорошо** / (э) **зимняя** *В **мой (э) погоду можно** (эм) *ц **минус сорок градусов** (И5b).

Пример (16) – несколько странный контекст, потому что не до конца понятно, какие слова в нем связаны между собой, какие – нет и что именно хотел сказать информант. В одной фразе собралось очень много ошибок, которые вместе затрудняют ее понимание.

Начнем с лексической ошибки, которая в данном случае накладывается на морфологическую (о ней см. ниже, в п. 2.6.1). Есть несколько вариантов того, что хотел сказать информант. Возможно, он подразумевал, что зимой **погода может быть** минус сорок градусов, причем словосочетание **может быть** может являться как предикатом, так и вводной конструкцией. Есть вероятность, что информант подразумевал одиночное вводное слово *может*. Скорее всего, замена происходит из-за похожего фонетического облика, *можно* – *может (быть)*. В лексическом минимуме присутствуют: слово *можно* (с антонимом *нельзя*), конструкции *можно* + *инф.* (с переводом *one*

can, one may) и *мочь + инф* (*Лексический минимум...* 2019а). Обе эти конструкции должны быть хорошо знакомы информанту, а значит, ошибка попадает в группу «непростительных».

- 17) *но (ам) я думаю / *П *ц не так холодно / как я думала // *В (эм) только *П тёмность *П трудно мне* (И7а).

Информант вместо слова *темнота* употребляет слово *тёмность* и тем самым допускает ошибку. Это происходит потому, что информант, скорее всего, плохо знаком с этим словом: существительное включено в лексический минимум соответствующего уровня, но оно упоминается в списке синонимов к слову *свет* и предназначено для пассивного усвоения; это лексика, необходимая только для восприятия информации при чтении и аудировании (*Лексический минимум...* 2019б: 5). Но информант хорошо знаком со словами *тёмный* и *темно*, а также знает, что существительные часто образуются от прилагательных с помощью суффикса *-ость*, поэтому попытался образовать слово самостоятельно. Ошибка попадает в разряд «простительных».

- 18) *наверно потому что в Питсбурге / *В (а) *ц где я обычно живу / есть / три реки тоже // и когда я смотрю Неву / *П наверно просто мне напоминает о том / *П (ам) *П что мне не нравится / (ам) *ц наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт* (И8а).

В контексте (18) информант вместо указательного местоимения *этот* выбирает местоимение *тот*. Между ними есть довольно большая разница в значениях: *этот* – ‘Указывает на что-н. более близкое в пространстве или времени’, *тот* – ‘Указывает на что-н. более отдаленное в пространстве или времени’ (*Ушаков 1935-1940*). Местоимение *этот* вводится на элементарном уровне обучения, а *тот* – на базовом, то есть информант хорошо с ними знаком. Но фонетически слова очень похожи, и потому информант допускает «непростительную» ошибку.

2.5.2. Ошибки из-за близости значений слов

В данном случае к ошибке приводит общность значений двух слов: говорящий вместо искомой единицы выбирает похожую на нее, из той же семантической группы, ср.:

- 19) *В обычно у нас / *П (м) бесплатный / *П интернет / *В в общежитии / и(:) / *В (э) / везде // но (э) здесь трудне* / и(:) / *В (эм) *П мне / *П (э) *В обычно нужно использовать интернетом в ... / *П кафе / *П или / (э) где-то (И1b).*

Пример (19) уже приводился в разделе фонетических ошибок, однако здесь совмещено две ошибки, и потому контекст попадает в разные группы.

Представляется, что вместо слова *труднее* следовало бы использовать слово *сложнее*. Прилагательное *трудный* (от которого образовано наречие *трудно*) значит ‘требующий большого труда, усилий, напряжения’, а прилагательное *сложный* (от которого образовано наречие *сложно*) – ‘представляющий затруднения для понимания, решения, осуществления’ (БТС 2014). В «Толковом словаре» под. ред. Д. Н. Ушакова: *трудно* – ‘тяжело, не под силу’ (Ушаков 1935-1940).

Конечно, эти слова являются синонимами, однако в данном контексте уместнее было бы использовать слово *сложнее*: перед информантом стоит трудность, скорее, не физическая, а логистическая. Однако это слово (а именно его начальная форма *сложно*) отсутствует в лексическом минимуме базового уровня владения РЯ, и потому информант использует то слово, которое он знает, а значит, эта ошибка попадает в категорию «простительных».

По данным «Частотного словаря», слово *сложный* имеет показатель ИРМ 154.5, а слово *трудный* – 81.3, почти в 2 раза меньше. Однако в контексте мы имеем дело со сравнительной степенью наречия, а слова *сложно* и *трудно* имеют ИРМ 28.8 и 163.3 соответственно. То есть информант, во-первых, еще не должен знать слов *сложно/сложный* («простительная» ошибка) а во-вторых, он гораздо чаще встречается

с наречием *трудно*, чем с прилагательным *сложный*. По-видимому, это и приводит к лексической ошибке.

20) *мне / *П (э) *В обычно **нужно** использовать интернетом в ... / *П кафе / *П или / (э) где-то (И1b).*

Похожую ситуацию видим и со словом *нужно* в примере (20). Информанту не *нужно* пользоваться интернетом в кафе, он *вынужден* это делать, или ему *приходится* это делать. Конечно, слово *вынужденный* отсутствует в лексическом минимуме базового уровня владения РЯ (снова – «простительная» ошибка), а показатель частотности у слова *нужно* гораздо выше: 353.7 vs 42.7 у слова *вынужденный*. Слов *приходиться/прійтись* в лексическом минимуме базового уровня также нет. Их ИРМ значительно выше, чем у слова *вынужденный*, и составляет 174.5 для *приходиться* и 285.5 для *прійтись*, хотя в частотном словаре не разграничены их значения.

21) *и(:) / *П (э) мне не очень понравилось / *П что(:) (э-эм) / *П конечно моя фамилия **не здесь** // (э-эм) *В это(:) *П (а-ам) *В (а) для меня / *П (э-э) *П чуть-чуть грустно (И1b).*

В примере (21) информант-девушка сожалеет о том, что ее семья *далеко*, однако, вероятно, забывает нужное слово и пытается подобрать синоним (*не здесь*), хоть и не совсем верно. По данным частотного словаря, ИРМ слова *далеко* – 165.5, а слова *здесь* – 796.8, намного больше, что отчасти и объясняет сделанный говорящим выбор. Оба слова находим в лексическом минимуме базового уровня, а значит, ошибка попадает в ряд «непростительных».

22) *у(:) неё / *П **великая** комната / и / у меня () **маленькая** комната (И2b).*

В контексте (22) правильно было бы сказать не *великая комната*, а *большая*. Оба слова присутствуют в лексическом минимуме базового уровня, а значит, ошибка относится к ряду «непростительных». При этом ИРМ у слова *большой* (944.4) в три с половиной раза больше, чем у слова *великий* (276.3). Оба слова принадлежат к одной семантической группе. Однако информант выбирает менее популярное слово – вероятно, первое пришедшее в голову слово, относящееся к размеру.

Можно предположить также, что на выбор слова в данном случае повлиял родной язык говорящего: квартира, о которой идет речь, находится в центре Санкт-Петербурга, в таких квартирах зачастую большая комната выглядит довольно величественно: лепнина, камин, высокие потолки. Может быть, информант хотел подчеркнуть именно эту характеристику комнаты и назвал ее *великой*, буквально переводя английское *grand*. Но это лишь догадки и вероятная дополнительная причина.

23) *мне очень нравится (ээ) *П еда(:) в Рос... (э) в Санкт-Петербурге / (ам) очень *П очень лучше *В чем в Америке / (эм) *П здесь еда(:) *П (э) *П натуральный (И5b).*

Правильно было бы в контексте (23) сказать *намного лучше*. По данным частотного словаря, IPM слова *очень* – 1286.8, а слова *намного* – 29.2, т. е. в 44 раза меньше. Кроме того, наречие *намного* отсутствует в лексическом минимуме базового уровня, и потому информант выбирает хорошо знакомое слово («простительная» ошибка).

24) *ходила в магазин вчера / *П вечером / и купила зи... зимние туфли (И5b).*

В русском языке *туфли* – это ‘род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки’ (БТС 2014). Обычно это обувь для теплой погоды, которая никак не подходит для зимы в Санкт-Петербурге. В контексте (24) ошибка допущена по двум причинам: межъязыковая интерференция и общность значений. О первой причине мы скажем чуть позже, поговорим подробнее о второй. Здесь следовало бы говорить о *сапогах* или *ботинках*. Первое слово находим в лексическом минимуме базового уровня, а второго в нем нет. Так как слово *сапоги* информанту известно, невозможно сказать, что ошибка допущена из-за недостаточного уровня владения языком. По данным частотного словаря, IPM слова *сапог* – 62.0, а слова *туфля* – 23.2. Но оба слова обозначают *обувь*, и информант, под влиянием родного языка, выбирает слово *туфли*. Ошибка попадает в ряд «непростительных».

25) [а в Висконсине нужна зимняя обувь? //] *П (э) да(:) / очень нужна / *С / хорошо / (э) зимняя *В мой (э) **погоду** можно (эм) *ц минус сорок градусов (И5b).

В примере (25) информант сначала употребляет слово *погода*, а затем говорит о температуре. Скорее всего, *температура* – это именно то слово, которое стоило выбрать информанту. Оба существительных есть в лексическом минимуме базового уровня и вводятся на элементарном уровне, а значит, информант хорошо знаком с ними («непростительная» ошибка).

Вероятно, причиной подобной ошибки является бóльшая частотность слова *погода*. В «Частотном словаре» находим IPM слов *погода* и *температура*: 51.7 и 79.5 соответственно. Однако в словаре не разводятся словарные значения, поэтому оба значения слова *температура* – 1: ‘Величина, характеризующая тепловое состояние какого-л. тела, вещества’; 2: ‘Степень теплоты человеческого тела как показатель состояния здоровья’ (БТС 2014) – включены в этот показатель. Поиск слов в НКРЯ дал следующие результаты: *погода* – 22912 вхождений, *температура* – 22662 вхождения, значения последнего также не разведены. Учитывая этот фактор, можно сказать, что слово *погода* все же чаще встречается в речи носителей языка, что и делает его более знакомым инофонам.

26) *это ресторан *П *ц Невский проспект / *П (ам) *П называется / я забыла как по-русски / *В но(:) по-английски называется Welby bar *П очень вкусны(:)й (ээ) *П вс... итейк *П и (ээм) *П здесь (э) продают (ээ) кальян (И5b).*

К описанию действия, производимого с *кальяном* в ресторане, в контексте (26) подобран не совсем правильный глагол. *Продают кальяны* в специализированных магазинах. Безусловно, в ресторане он также приобретается за деньги, но на время. Можно сказать, что в ресторане *подают* кальян (это слово отсутствует в лексическом минимуме базового уровня, а значит, ошибка «простительная»), а лучше бы в данном случае сказать, что в ресторане *можно курить кальян*.

27) *здесь (ам) я(:) живу(:) *П с(:) две(:) *П 2 американские(:) девуш(у)шки(:) / (эээ) *П (мм) *П две(:) *П русские девушки (Ибб).*

Контекст (27) – достаточно спорный, потому что невозможно с уверенностью утверждать, что здесь есть лексическая ошибка. Информант говорит о том, с кем она жила в общежитии, и представляется маловероятным, что американские девушки жили в комнате общежития в пятером. Однако это вполне возможно (например, они жили в блоке из двух комнат), и в таком случае ошибки в данном контексте нет.

Но также есть вероятность, что информант допустила ошибку, и перепутала национальность своих соседок. Не потому, что она считает, что они американки, а потому что это слово стоит для нее первым в ряду круга национальностей, так как сама она американка. Эти два слова не являются синонимами, но относятся к одной семантической группе, а потому контекст (27) попадает в эту группу ошибок.

28) *что касается /моих ожиданий / я(:) / *П до того как я / приехала сюда / я / (э-э) // *П (а-а) // *П представляла себе(:) / Россию // *П по моему как она была // *П или в девятнадцатом веке / или () в русской литературе // *С *П (э-э) / поэтому / *П когда я сюда приехала / и(:) / *П (э) / *П я думаю что(:) / самые / *П нежизненный *П / (э) нежизненный вещь / (э-э) / *П была(:) / *П (а-ам) / *П (хм) / как // *П (э) / было влияние советского / *П (э) / советского времени (ИЗа).*

В примере (28) информанту следовало выбрать вместо прилагательного *нежизненный* слово *неожиданный*, которое присутствует в лексическом минимуме ТРКИ-2. Кроме того, в начале контекста видим слово *ожидания*, которое студентка употребляет правильно, а значит, скорее всего, слово *неожиданный* ей знакомо. Возможно, ей показалось, что слово *нежизненный* полнее отражает то, что она хотела сказать, однако его значение не подходит под контекст. В словаре Д. Н. Ушакова читаем: *нежизненный* – ‘1. Не нужный или не возможный для осуществления, не необходимый, не актуальный. 2. Мало приспособленный к жизненным условиям, непрактичный’ (Ушаков 1935-1940). В БТС есть более подходящее значение: ‘далёкий от жизни, от действительности; нереальный’ (БТС 2014).

Поскольку информант говорит, что то, что он увидел в жизни, не соответствовало его ожиданиям, получается, что слово *нежизненный* отражает противоположную мысль (в жизни этого нет). Таким образом, мы понимаем, что имела в виду студентка, но ошибку признаем «непростительной».

29) *мне повезло / потому что / *П (а-ам) / *П эта программа позво... по... *П позволяет меня / (а-а) / читать литературу / и делает чт... / *П что-нибудь больше / чем / *П (а) / заниматься языком (ИЗа).*

В контексте (29) информант выбрал неверное неопределенное местоимение: *что-нибудь* вместо *что-то*. Обратимся к толковому словарю: *что-нибудь* – ‘какой-н. предмет, безразлично какой или безразлично в каком малом количестве, какое-н. явление, безразлично какое’, *что-то* – ‘нечто, некий предмет, некое явление (неизвестное, неопределенное, непонятное и т. п.)’ (Ушаков 1935-1940). Согласно Государственному стандарту ТРКИ-2, студентка должна разбираться в неопределенных местоимениях, но этот разряд местоимений впервые изучается на уровне В2, поэтому, возможно, она еще не до конца понимает разницу между ними. Однако ошибка все же попадает в группу «непростительных».

30) *так много движения на улице / *П я просто / этого не представляла / это(:) ни... / *П подходило / *П к моему представлению России (ИЗа).*

В этом примере информанту стоило использовать глагол *соответствовать*, который присутствует в лексическом минимуме ТРКИ-2. Информант допустил ошибку, потому что значения слов очень похожи. Обратимся к словарю: *подходить* – ‘Оказаться соответствующим чему-л., годным, приемлемым для кого-, чего-л.’, *соответствовать* – ‘Быть, находиться в соответствии с чем-л., отвечать чему-л.’ (МАС 1984: 228). Разница в значениях минимальна: *подходить* – ‘быть годным, приемлемым’, *соответствовать* – ‘находиться в соответствии’, однако она чувствуется носителями языка («непростительная» ошибка).

31) *это(:) ни... / *П подходило / *П к моему представлению России // *В (ам) / *П не только много () движений / но () иногда / как водитель*

маши... машины // *В (э) водит / *П по(:) / тротуару / *С (а) / *С / это просто / ну может быть это / *П (ам) / *П комический элемент (И3а).

Перед нами ошибка в выборе глагола движения. Эта тема трудно дается иностранцам, поэтому подобные ошибки – не редкость. Первые глаголы движения появляются на элементарном уровне обучения, и на следующих уровнях их список пополняется. Информанту стоило сказать *водитель едет по тротуару*. Вероятно, он сделал ошибку, потому что оба глагола означают ‘движение на транспорте’. *Водить* – ‘Уметь управлять автомобилем; быть водителем’, *ехать* – ‘Двигаться, перемещаться в определенном направлении’ (БТС 2014). В данном контексте важнее, скорее, факт движения в определенном месте, чем способность человека управлять машиной («непростительная» ошибка).

32) *ну / с тех пор / когда я приехала сюда в Россию / *П (а) / я всё больше замечаю / (э) / различия между странами (И4а).*

В примере (32) информант нарушил структуру союза *с тех пор(,) как*. Обратимся к БТС: *когда* – ‘Употр. в начале придаточного предложения времени, внося общее значение соотнесённости во времени действий или состояний главного и придаточного предложений’, *как* – ‘(присоединяет придат. предл.). Употр. для выражения временных отношений’. Значения похожи, а в Государственном стандарте и лексическом минимуме ТРКИ-2 этот союз отсутствует, и информант допускает ошибку («простительная» ошибка).

2.5.3. Ошибки из-за межъязыковой интерференции

Иногда, в монологе на русском языке, говорящий выбирает неправильное слово под влиянием родного языка. Стоит отметить, что межъязыковая интерференция может проявляться и в двух других выделенных подгруппах (замена слова по фонетическому или семантическому сходству). Но иногда лексическая замена обуславливается исключительно интерференцией, ср.:

33) конечно моя **фамилия** не здесь // (э-эм) *В это(:) *П (а-ам) *В (а) для меня / *П (э-э) *П чуть-чуть грустно (И1b).

В контексте (33) информант транслитерировал родное слово *family*, при этом в русском языке слово *фамилия* существует, но имеет другое (хотя и исторически схожее) значение. Это слово студенты-иностранцы узнают на элементарном уровне обучения, а значит, ошибка попадает в ряд «непростительных».

34) квартиры находятся(:) / *П очень / близко(:) / *П (э-э) / Невского проспекта // *П (э) / около Невского проспекта / и(:) / *П (э-э) *П около метро / *П «Маяковская» / *П (э) [вы сказали дорого / а сколько дорого?] *В (ам) *П это(:) / *П где-то / *П (а) четыреста(:) / *П на месяц // *П [долларов ?] долларов / да // *П и(:) *П (а) *П и(:) *П хотя / мой / *П (э) / моя / *П (а) / пор... / **порция** / *П *В и(:) моя (а-а) / *П моей подруги // *П (э-э) *П шесть... / шес(:)тьсот долларов (И2b).

В контексте (34) информанту стоило бы использовать слово *часть* вместо слова *порция*. Интересно, что *часть* присутствует в лексическом минимуме базового уровня, а *порция* – нет. ИРМ слова *часть* – 585.4, а слова *порция* – 16.9. Конечно, у слова *часть* больше словарных значений, чем у слова *порция*, но, тем не менее, первое встречается в РЯ гораздо чаще второго. И, безусловно, в значениях обоих слов есть некоторая семантическая общность.

Скорее всего, повлияло английское *portion*, первое значение которого совпадает с тем значением, которое информант вкладывает в предложение. В Кембриджском словаре находим: «A part of something: A large **portion of their profits go straight back into new projects**» (<https://dictionary.cambridge.org/ru/>). Буквальный перевод – *большая порция прибыли*, то есть большая часть денег. Таким образом, именно под влиянием межъязыковой интерференции информант выбирает в своем монологе на русском языке эту единицу. Ошибка попадает в ряд «непростительных».

35) ходила в магазин вчера / *П вечером / и купила зи... зимние **туфли** (И5b).

Эта ошибка попадает сразу в две группы. *Туфли*, конечно, находятся в той же семантической группе, что и *сапоги* или *ботинки*, и это было рассмотрено на примере (24), но представляется, что информант перевел на русский язык английское *shoes*, которое может значить и *туфли*, и *ботинки*, и гипероним *обувь*. Именно поэтому, несмотря на более низкий по сравнению с *сапогами* ИРМ (см. выше), информант выбирает именно *туфли* («непростительная» ошибка).

36) *не скучно / но медленно // *П как всё происходит медленно / маленький город* (И7а).

Очень сложно определить причину этой ошибки. Возможно, информант использовал слово *как* вместо союза *потому что*, возможно, как осталось от союза *так как*. Но студенты на высоких уровнях должны быть хорошо знакомы с союзом *потому что*, а *так как* редко используется в разговорной речи. Ошибка попала в эту группу, потому что велика вероятность, что это перевод английского хезитатива *like*. В русской речи информантов средне-продвинутого уровня довольно ярко проявляются особенности спонтанной речи, а значит, и перевод родных хезитативов исключать нельзя («непростительная» ошибка).

37) *это просто мешает *П веселью в жизни когда я не могу / *П как поехать куда-нибудь в городе / *П как / в меньше чем в час* (И8а).

В контексте (37) студентка выбрала неправильный предлог, потому что, скорее всего, дословно перевела на русский английскую фразу *in an hour*. Согласно Государственному стандарту ТРКИ-2, предлог *за* должен быть хорошо известен студентке, а значит, ошибка «непростительная».

2.5.4. Ошибки из-за нарушения лексической сочетаемости

Ошибки такого рода также обнаружались в пользовательском подкорпусе, ср.:

38) *ну(:) *П (м) Псков *П у Пскова есть *П много(:) *П природы / *П (м) не больше чем *П Петербург* (И6b).

Существительное *природа* в русском языке относится к разряду несчитаемых (отвлеченных) и потому не сочетается с количественными

числительными, в том числе с неопределенно-количественным числительным *много*¹⁷ (*Морфология...* 2009: 85, 89). Информант допускает ошибку, и это неудивительно: на базовом уровне студенты не обладают подобными знаниями, а значит, могут совершить ошибку (она опять из разряда «простительных»). Согласно Государственному образовательному стандарту, подробнее о лексико-грамматических разрядах существительных обучающиеся узнают на уровне В2.

Если обратить внимание на хезитативные элементы (ХЭ) в данном контексте (38), становится понятно, что информант сомневался в том, правильно ли он подбирает слова. Возможно, ему следовало заменить словосочетание *много природы* на, например, *богатая природа*.

2.5.5. Ошибки из-за необоснованного эллипсиса

Рассмотрим пример (39):

39) *мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С / и(:) (ам) *П много вещи(:) / можно делать // т *П здесь / с музе(:)и *П магазины / много **вкусные** рестораны (И5b).*

Информант хочет сказать, что в городе много хороших ресторанов. Хороших, потому что в них готовят или подают вкусную еду. Вероятно, информант решает свернуть высказывание *много хороших ресторанов, в которых вкусно готовят*, до *много вкусные рестораны* для большей лаконичности, но допускает ошибку.

Конечно, ИРМ слова *хороший* гораздо выше, чем слова *вкусный*: 471.1 vs 26.2, и, естественно, оба слова входят в лексический минимум базового уровня. Это лишний раз доказывает, что информант намеренно выбрал такую конструкцию и тем самым совершил ошибку, которая попадает в группу «непростительных».

40) [*а в Висконсине нужна зимняя обувь? //*] **П (э) да(:) / очень нужна / *С / хорошо / (э) зимняя *В мой (э) погоду можно (эм) *ц минус сорок градусов (И5b).*

---

¹⁷ Информацию об исключениях см.: *Морфология...* 2009: 85, 89.

Рассмотрим уже попадавший в другие группы лексических ошибок контекст (40). Скорее всего, притяжательное местоимение *мой* относится к существительному *погода* ('температура'). Вероятно, подразумевается следующая фраза: *температура в моем городе может быть минус сорок градусов*, – но информант необоснованно сокращает ее – и допускает ошибку, которую отнесем в разряд «непростительных».

2.5.6. Лексические аномалии

Есть и еще одна группа ошибок, в которую были отнесены контексты, не поддающиеся объяснению – это придуманные информантом (или подсознательно им созданные) *квазислова*, или *лексические аномалии*¹⁸, ср.:

- 41) *не очень / (э) нравится(:) (эм) *П *ц ходить в магазины / обувь *П здесь *П (э) здесь очень лобные оползни // *П *С *П (ээм) *П *С я (ээ) ходила в магазин вчера / *П вечером / и купила зи...зимние туфли (И5b).*

Довольно трудно с уверенностью определить значение выражения *лобные оползни*. Скорее всего, оно значит 'очень скользко', вероятно, информант придумал что-то похожее на *лёд* и *скользко*.

- 42) – [хорошо / вы сказали что вам не нравится жить в общежитии / а в Америке вы жили в общежитии?]
 – *да / *П но(:) *П та(:)м нет *П (аам) *П незнакомых *П*
 – [да? / нет?]
 – *ыгы / или(:) *П травм // *П*

¹⁸ Сущность понятия *квазислова* словари трактуют через значение приставки *квази-* – 'мнимый, ненастоящий' (МАС 1986: 43). Н. В. Богданова-Бегларян, сравнивая ошибки в русской спонтанной речи русских и китайцев (т. е. в речи на родном и неродном языке), размышляет над используемыми традиционными терминами *ошибка*, *оговорка*, *квазислова*: «Думается, однако, что и все вышеприведенные единицы (ср. примеры из этой статьи: *принода* вм. *природа* у русских, *девАча* вм. *давеча* у китайцев и мн. др. – А. Б.) представляют собой столь же "мнимые, ненастоящие" слова, которые можно отнести к разряду квазислов и которые могут появиться в речи как на родном, так и на неродном языке. Ср. еще примеры такого рода из корпусного материала: *употреблить* (рус.), *стирательная (машина)* (рус.), *двал* (вм. *дал два*) (рус.); *новые рубашки* (кит.), *всего и раз-ва-арУ* (вм. *всего и разговору*) (кит.), *мажЕнтка* (вм. *манжетка*) и мн. др.» (Богданова-Бегларян 2021г). В другой работе тот же автор так пишет на этот счет: «Думается, что при анализе устной спонтанной речи можно вообще отказаться от дифференциации привычных понятий *ошибки* и *оговорки*, а ограничиться терминами "аномалия" или "речевой сбой", перенеся описание особенностей этих речевых явлений в плоскость поиска возможных причин их появления и установления большей или меньшей употребительности в речи на родном или на неродном языке, а также в речи того или иного социума. Принятое в лингвистике определение речевого сбоя, как модификации речи под воздействием как субъективных, так и объективных факторов [Русакова 2013] вполне "покрывает" все рассмотренные выше аномалии и снимает множество методологических вопросов. Уже в самом термине "речевой сбой" заложено значение "сбой механизма контроля за выполнением речевой программы". Ослабление такого контроля абсолютно естественно в ситуации спонтанного речепорождения, независимо от того, на каком языке – родном или неродном – оно осуществляется» (Богданова-Бегларян 2021б). Примерно в таком духе анализ ошибок в речи американцев осуществляется и в настоящем исследовании.

– [а / насекомых]
– да / насекомых нет там // *В (э) здесь *П есть много // *В *С *П да (И6b).

Информант пытается подобрать правильное слово, которое, видимо, «крутится на языке», и начинает вслух перебирать созвучия, которые появляются в его голове. Однако *травм* никак не соотносится со словом *насекомые*, а потому непонятно, откуда эта аномалия появилась в речи студентки.

Значение единиц *парадас* и *тельрола* в контекстах (43)-(44) также трудно определить, ср.:

43) *трудно мне жить / без солнце / *В (эм) *П *ц мой **прадас** зависит от солнца // *В но (ам) я думаю / *П *ц не так холодно / как я думала* (И7а).

44) *у Пскова есть *П много(:) *П природы / *П (м) не больше чем *П Петербург // *П (ам) мне нравится *П **тельрола** *В *П и(:) *П (зм) *П (м) *П мне(:) нравится *П *П Санкт-Петербург* (И6b).

В работе В. А. Метловой (Метлова 2013) приведены монологи тех же информантов-американцев на ту же тему, но уже на родном языке. Однако в них подсказок к пониманию подобных единиц обнаружить не удалось, поэтому данная группа стоит особняком и относится к группе «простительных».

В ходе анализа было замечено также, что лексические ошибки чаще допускают информанты с более низким уровнем владения языком.

2.6. Грамматические ошибки

Основную массу аномалий в русской речи инофонов, в том числе американцев, составляют, конечно, ошибки грамматические. Внутри этой группы можно выделить ошибки *морфологические* и *синтаксические*. При этом очень сложно провести четкую границу между морфологией и синтаксисом. Практически каждый труд по русской грамматике содержит в себе эту оговорку. Например, Л. Л. Буланин в «Трудных вопросах морфологии» пишет: «Отделение морфологии от <...> синтаксиса, как бы оно ни было желательно в теории, на практике наталкивается на

определенные трудности. <...> Очень сложен также вопрос о формах слова в морфологическом и синтаксическом аспекте. До каких пределов, например, частные значения грамматических форм, создаваемые контекстом, должны рассматриваться в морфологии и где начинается для них собственно синтаксический аспект? <...> Авторитетное указание <...> [*Грамматика русского языка*, 1954], строго говоря, дает основания отнести синтаксическое употребление форм слова не к морфологии, а к синтаксису. Однако в большинстве современных монографий по грамматике русского языка эти вопросы излагаются в морфологии» (*Буланин* 1976: 5-6). Это не удивительно: «морфология и синтаксис – две составные части грамматики» (*Синтаксис...* 2009: 10).

В «Морфологии современного русского языка» читаем: «Будучи естественной системой, язык противится логической схематизации, <...> деление живого языкового пространства на классы, типы и подтипы невозможно без некоторых допущений и своего рода “насилия” над языковым материалом, в котором, наряду с явными противопоставлениями отдельных категорий и единиц, существуют и плавные переходы от одного явления к другому» (*Морфология...* 2009: 3-4). В «Книге о грамматике» под редакцией А. В. Величко, которая была написана специально для преподавателей РКИ, авторы предлагают описывать и подавать языковые средства «на синтаксической основе», что «реализует принцип коммуниктивно-деятельностного подхода к обучению. Это означает, что все языковые средства – фонетические, интонационные, лексические, морфологические, словообразовательные – изучаются не изолированно, а в составе словосочетания и предложения» (*Книга о грамматике* 2009: 12). Если следовать этому подходу, получается, что любая ошибка становится следствием синтаксической ошибки. И хотя эта точка зрения, бесспорно, отлично работает при обучении языку, она совершенно не подходит для классификации ошибок.

Попробуем разделить грамматические ошибки на морфологические и синтаксические, и, чтобы свести «насилие» над языком к минимуму, будем делать оговорки в спорных примерах. Поочередно рассмотрим каждую группу ошибок.

2.6.1. Морфологические ошибки

К морфологическим отнесены ошибки, которые хотя зачастую и влияют на смысл всей фразы, но все же заключены только в одном слове.

1. Неправильное образование формы слова

45) *люди* / *П в России / (эм) *В обычно очень / (?) очень симпатичные // *и(:)* (э-э) / *П (э) / *П у меня / *В (э) хорошие / *П (э) *П *друзи* zde... / *П *здесь* (И1b).

В примере (45) видим ошибку в образовании формы мн. ч. слова *друг*. Информант образует форму по общему правилу (см., например: *Московкин, Сильвина 2019: 19*) и допускает ошибку, потому что слово *друг* попадает в категорию исключений: *друг – друзья*. Это слово, конечно же, присутствует в лексическом минимуме базового уровня владения РЯ («непростительная» ошибка).

46) *я знала* // *П про это / () про всё это / но *П / *не(:)* (э) // *П просто не представляла себе что / как ну *П как оно есть // *П (м-м) / *П (и-и) / *П *более подробнее* (И3а).

В контексте (46) видим ошибку в образовании формы сравнительной степени. Согласно государственному стандарту ТРКИ-2, информант должен быть знаком с этим материалом, поэтому относим ошибку в группу «непростительных». Помимо морфологической ошибки, здесь стоит отметить лексическую неточность, которую сложно считать полноценной лексической ошибкой. Носитель языка, вероятно, сказал бы, что он представлял себе страну *не так хорошо* или *не очень хорошо*. Но значение слова *подробно* не противоречит вкладываемому в него смыслу, а значит, мы имеем дело, скорее, с неточностью, чем с ошибкой.

47) *моя бабушка* / она очень гостеприимная / и доброжелательная // и всегда (эм) *П *ц она(:) *П (ам) хочет знать / что / с *мени...мною* // *В (ам) да / и она очень добрая (И7а).

В примере (47) информант неправильно образовал форму Дат. п. личного местоимения *я*, причем кажется, что сначала он хотел использовать форму родительного падежа, но на середине слова понял свою ошибку, и в результате получилась квазиформа Род. п. Тем не менее, ошибка попадает в группу «непростительных».

48) *мне жалко что / *П я чит... на Красной flat в советском доме // *С и не в(?) центр города (И7а).*

В примере (48) отсутствует глагол *жить*, но он здесь явно подразумевается. Возможно, распознанное расшифровщиком как обрыв слово *чит...* на самом деле является фонетически видоизмененным глаголом *жить*. Тем не менее, этот глагол, когда мы говорим о месте жительства, подразумевает использование формы Пр. п., что информант и делает с другими словами, однако почему-то не ставит в эту форму существительное *центр*¹⁹. Возможно, это произошло под влиянием родного языка: так как слово *центр* в английском выглядит так же, возможно, информант забыл и о правилах русской грамматики, но это лишь предположение. Ошибка попадает в группу «непростительных».

49) *дворец и / *С / много (эм) сади / садов // *В (ам) и первый раз я ездила солнце светло / и было не так жарко как летом (И7а).*

Информант неправильно образовывает форму родительного падежа, но после небольшой паузы исправляет ошибку. По неречевому звуку перед ошибкой заметно, что студентка сомневалась в том, какую форму использовать. Тем не менее, ошибка попадает в группу «непростительных».

Эта подгруппа ошибок представляется чисто морфологической, так как не влечет за собой никаких синтаксических нарушений.

---

¹⁹ Возможно, данную ошибку стоило отнести к группе «Ошибки в построении управления», однако она попала в группу «Неправильное образование формы слова», потому что все остальные слова информант употребил правильно (а это прилагательные *красный*, *советский* и существительное *дом*), а значит, он знает, что после глагола *жить* необходимы формы Пр. п. Из этого следует, что информант ошибся именно в образовании формы, а не в выборе падежа.

2. Неправильный выбор формы слова

Обычно выбор неправильной формы обусловлен отсутствием связи между лексическим и грамматическим значением – и грамматической формой, реализующей эти значения. Типичный пример подобной ошибки – при выборе видо-временной формы глагола. Рассмотрим примеры, встретившиеся в пользовательском подкорпусе.

50) *у меня / *В (э) хорошие / *П (э) *П други zde... / *П здесь что(:) / *В я буду ску... (э) скучать / *П (э) / когда я / *П улетаю // (э-эм) *П (И1b).*

В примере (50) информант неправильно выбрал время и вид глагола: в данном случае правильно было бы сказать *когда я улечу*, т. е. использовать глагол в форме будущего времени СВ. В лексическом минимуме базового уровня присутствует слово *летать*, а в Государственном стандарте по РКИ указано, что на базовом уровне владения РЯ иностранец обязан знать и уметь правильно употреблять в речи вид глагола, все времена глагола (в том числе будущее простое) и глаголы движения, в том числе с приставками *в-*, *вы-*, *у-*, *по-*, *при-*. Эта ошибка явно из разряда «непростительных».

Стоит отметить, что большие трудности у иностранных учащихся часто вызывает группа глаголов движения, но в данном примере сам глагол и приставка выбраны правильно, трудности возникли с категориями вида и времени, которые, безусловно, так же трудно даются иностранцам. Думается, что эта ошибка была допущена по двум причинам. Первая кроется во влиянии родного языка: фраза *Я буду скучать, когда улечу домой* на английский язык переводится как *I'll miss when I fly home*. Информант перевел все глаголы на русский язык и получил *буду скучать и улетаю* (*улетаю*, а не *лечу*, потому что информант помнит, как использовать глаголы движения). Интересно, что в другом контексте глагол *улетаю* в настоящем времени мог бы использоваться в значении будущего. Например, фраза *я улетаю во вторник*. Информант знает, что глагол настоящего времени НСВ может употребляться для выражения будущего времени, и выбирает его.

В этом, как можно предположить, кроется вторая причина рассматриваемой ошибки.

51) *и(:) / *П (э) мне не очень **понравилось** / *П что(:) (э-эм) / *П конечно моя фамилия не здесь // (э-эм) *В это(:) *П (а-ам) *В (а) для меня / *П (э-э) *П чуть-чуть грустно (И1b).*

В примере (51) видим «непростительную» ошибку, допущенную при выборе вида и времени, стоило сказать *мне не очень **нравится***. Причина ошибки кроется, по-видимому, в теме монолога, с которой началось общение экспериментатора с информантом: «Что вам понравилось и не понравилось в России?» В своем монологе-ответе информант повторяет часть вопроса и тем самым допускает ошибку. Кроме того, после ошибки в контексте можно видеть много хезитативных элементов: пауза, растяжка звука, неречевой элемент и еще одна пауза: перед нами довольно длинная хезитативная цепочка (ХЦ), включающая 4 элемента. Представляется, что, пока информант думал, что именно ему не понравилось в России, он забыл, какую форму глагола употребил в начале монолога, а после ХЦ дал ответ на поставленный вопрос. Вполне вероятно, что в голове информанта глагол до ХЦ грамматически не связан с ответом после ХЦ, и потому сам говорящий не считает грамматическую несвязность как ошибку.

52) *я нашла () квартира // (а-а) / с(:)*П подругой // *П и(:) *П это(:) / *П чуть-чуть дорого // *П но(:) *П (э) / я думаю / что(:) / *П всё будет / хорошо // *П (эм) *П *В не знаю / **квартиры находятся**(:) / *П очень / близко(:) / *П (э-э) / Невского проспекта (И2b).*

В примере (52) информант говорит о квартире, которую они нашли с подругой, но при описании местонахождения (одной!) квартиры почему-то использует множественное число. Причем в форме мн.ч. стоит как существительное (*квартиры*), так и глагол (*находятся*). Перед нами несовпадение референта (*квартира, которую они нашли*) и денотата (*квартиры находятся*).

Представляется маловероятным, что эта ошибка допущена из-за незнания каких-либо правил. Скорее всего, информант допустил ошибку

случайно, оговорился (снова – просто *аномалия*), и не обратил на это внимания. Причиной ошибки, таким образом, является сама спонтанность речи: процессы речепорождения и контроля речевого потока сложно совместить как носителям языка, так и инофонам, и этот фактор неизбежно ведет к аномалиям разного рода. И все же ошибка попадает в группу «непростительных», так как потенциально может привести к коммуникативному сбою.

53) [в каких ресторанах вы были? //] *В (э) я **бы(:)л** была в Танжи(:)н *В и(:) в(:) *П *ц (а(:)) *П (а) я забыла как называется (И5b).

То же самое видим и в примере (53): информант – девушка, но использует глагол в форме м. р. По внутрисловной растяжке звука можно понять, что информант в процессе речепорождения обдумывает, какую форму глагола ему следует использовать в данном контексте. Сначала он выбирает неправильную форму и допускает «непростительную» ошибку, но сразу (онлайн) распознает ее и исправляется.

54) [а что вам не понравилось в России?] *В (мм) *П *ц мне не понравилось / (э) *П много народа **на автобус** / *С / очень трудно (И5b).

В примере (54) соединились две ошибки. Во-первых, предлог *на* сочетается в русском языке с Пр. и Вин. пп., но с последним – только в значении направления движения (*на работу, на дачу* и др.), и именно здесь информантом допущена ошибка. Во-вторых, предлог выбран неправильно: информант имел в виду, что внутри автобуса, то есть *в автобусе*, очень много людей, а значит, нужно использовать предлог *в* и форму Пр. п. Возможно, трудность возникла из-за того, что существительное *автобус* используется в русском языке как с предлогом *на*, так и с предлогом *в*, и информант запутался в употреблении данных конструкций. Согласно Государственному стандарту базового уровня, информант знаком с этими правилами, а значит, перед нами «непростительная» ошибка.

55) мне **понравился(:)** *П *ц гулять *П по городу (хг) *П и *П мне(:) *П понравилась еду...еда / *П русская еда (И6b).

56) *мне не понравился(:) жить *П в общежитии // *С и(:) *П мне очень(:) *П понравилась погода (И6b).*

В примерах (55)-(56) видим довольно частую ошибку, совершаемую иностранцами при построении безличного предложения. Вместо того чтобы использовать глагол в форме ср. р. прошедшего времени, информант (И6b в обоих случаях) ставит глагол в форму м. р. Это происходит потому, что иностранцы, владеющие русским языком на базовом уровне, еще не до конца знакомы с грамматикой односоставного предложения («простительная» ошибка). Согласно Государственному стандарту по РКИ, на базовом уровне осваиваются неопределенно-личные предложения типа *Столовую откроют в 10 часов*, наречные безличные предложения типа *Мне холодно*, безличные предложения, в которых в роли предиката выступает сочетание предикативных наречий *можно, нужно, надо, нельзя* с инфинитивом, например: *Мне нужно работать*. Остальные виды безличных предложений постепенно вводятся только на следующих ступенях обучения.

Интересно, что в тех же контекстах выражения *мне понравилась еда* и *мне понравилась погода* употреблены говорящим правильно. Это не удивительно: подобные предложения вводятся на элементарном уровне и не вызывают затруднения у иностранцев (см.: *Московскин, Сильвина 2019: 158*), хотя внешне они похожи на сочетания с инфинитивом. Но понять, почему в безличных предложениях в прошедшем времени иностранные студенты используют глаголы в форме ср. р., достаточно трудно, а значит, они допускают ошибки даже после того, как знакомятся с подобными конструкциями.

Примеры (55)-(56) демонстрируют ту трудность, о которой шла речь в начале настоящего раздела: эти ошибки можно было бы отнести к группе синтаксических, ведь выбор правильной формы глагола, наряду с семантикой, создает основу безличного предложения. Однако было приятно решение отнести эти ошибки в группу морфологических, так как

сама структура предложения не нарушена, ошибка заключается только в неправильном выборе глагольной формы.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий трудность разделения ошибок на морфологические и синтаксические:

57) *мне понравился(:) *П *ц гулять *П по городу (хг) *П и *П мне(:) *П понравилась еду...еда / *П русская еда (И6b).*

В контексте (57) видим ошибку в выборе падежной формы существительного, являющегося подлежащим. С одной стороны, допущена ошибка в выборе формы, с другой стороны, эта ошибка приводит к нарушению связи между подлежащим и сказуемым. Представляется, что причиной такой ошибки послужила межъязыковая интерференция. В русском языке в предложении *Мне нравится еда* существительное *еда* является подлежащим, а местоимение *мне* – объектом. В английском языке такая конструкция невозможна, и в предложении *I like food* *еда* будет объектом, а местоимение – субъектом. Логично, что при переводе на русский язык иностранец хочет поставить *еду* в позицию объекта, а не субъекта, и совершает «непростительную» ошибку. Однако информант быстро исправляет ее и озвучивает правильную падежную форму.

58) *мне повезло / потому что / *П (а-ам) / *П эта программа позво... по... *П позволяет меня / (а-а) / читать литературу / и делает чт... / *П что-нибудь больше / чем / *П (а) / заниматься языком (И3а).*

В контексте (58) несколько ошибок. Первая попадает в группу «неправильный выбор формы слова», потому что местоимение *я* стоит не в том падеже: вместо Род. п. (*меня*) стоило выбрать форму Дат. п. (*мне*). Согласно Государственному стандарту, студенты узнают это значение Дат. п. (адресат действия) уже на элементарном уровне, а затем это значение уточняется. Таким образом, ошибка попадает в группу «непростительных».

59) *мне повезло / потому что / *П (а-ам) / *П эта программа позво... по... *П позволяет меня / (а-а) / читать литературу / и делает чт... / *П что-нибудь больше / чем / *П (а) / заниматься языком (И3а).*

Продолжаем обсуждать этот контекст. Теперь обратим внимание на глагол *делает*, который стоит в форме 3 л ед. ч. и, судя по всему, согласован с существительным *программа*. Перед нами еще одна морфологическая ошибка, базирующаяся на логике: скорее всего, глагол относится к говорящему и является частью составного глагольного сказуемого, а значит, должен стоять в начальной форме *делать*. Согласно Государственному стандарту ТРКИ-2, студентка должна быть знакома с составным глагольным сказуемым, поэтому ошибка попадает в группу «непростительных».

60) *поездки тоже мне / очень / *П понравились // *В (а-а) / особенно в Москву // *П (ам) / *П конечно / *В невозможно / все **видеть** / и(:) // *П за три / *П три дня // *П (а) / *П которое время мы там были / но(:) / и / (э) / *П мне ка... / мне казалось / что Москва очень / *В (а) / очень отличается от Питера (ИЗа).*

В примере (60) информанту следовало выбрать форму СВ: *невозможно все увидеть*. Со значением вида ‘результат’ студенты знакомятся еще на элементарном уровне, а значит, это «непростительная» ошибка.

61) *поездки тоже мне / очень / *П понравились // *В (а-а) / особенно в Москву // *П (ам) / *П конечно / *В невозможно / все **видеть** / и(:) // *П за три / *П три дня // *П (а) / *П которое время мы там были / но(:) / и / (э) / *П мне ка... / мне **казалось** / что Москва очень / *В (а) / очень отличается от Питера (ИЗа).*

В этом же контексте есть похожая ошибка: *мне казалось* вместо *мне показалось*. Информант говорит о результате, о мнении, сформированном после поездки в Москву, а значит, совершает такую же ошибку, как в примере (60) («непростительная» ошибка).

62) [*в чём вот это влияние / *П Советско... советского периода? // что вас удивило? то что медведи не ходят по улице ?*] **С / нет / нет // *П **ни в этом** // *П (эм) / может быть / *П во-первых / вид / города (ИЗа).*

В примере (62) наблюдаем морфологическую ошибку, которая отчасти базируется на логике: информант отвечает на первый вопрос экспериментатора, а не на второй, возможно, студентка даже не обратила внимание на второй вопрос, потому что думала над ответом на первый, но на

шутку о медведях решила ответить, держа в голове первый вопрос. Это привело к ошибке: ей стоило ответить *не это* вместо *не в этом* (она как бы отвечает: *влияние не в этом*) («непростительная» ошибка).

63) *но то что мне больше всего нравится в Питере / это то что у меня сейчас / (э) / такая уникальная возможность / *В (э) / познакомиться и общаться с русскими людьми (И4а).*

В примере (63) глаголы должны стоять в одинаковой форме: или в форме НСВ, или в форме СВ, потому что они относятся к одной ситуации. С правилами употребления видов глагола иностранец, владеющий языком на уровне В2, безусловно, должен быть знаком, а значит, ошибка попадает в группу «непростительных».

64) *конечно / мне не нравится / что я так скучаю по () родине () своей / по семьёй (И4а).*

Информант совершает ошибку в выборе падежной форме, причем предлог выбран правильно, а окончание существительного – неверно. В данном контексте необходимо было поставить существительное *семья* в форму Дат. п., но студентка выбрала окончание Тв. п. Ошибка «непростительная».

65) *во-первых / мне очень понравилось / люди (э) / с которыми я встретилась в Петербурге (И7а).*

В примере (65) информант неправильно согласовал по числу подлежащие и сказуемое: сказуемое в форме мн. ч., а подлежащее – в форме ед. ч. («непростительная» ошибка).

66) *и(;) тоже мне очень понравится / (э) понравилось / *В (эм) П *ц центр города / и Невский проспект (И7а).*

67) *и(;) тоже мне очень понравится / (э) понравилось / *В (эм) П *ц центр города / и Невский проспект (И7а).*

В примерах (66)-(67) информант дважды делает ошибку в выборе формы сказуемого: сначала выбирает будущее время, а потом исправляется, но выбирает ср. р. вместо м. р. Обе ошибки попадают в разряд «непростительных».

68) [здесь пока вы жили в семье / разве не семья вас кормила? что? семья должна была подкупать продукты] *да / но на за обеда* (И7а).

В примере (68) наблюдаем выбор говорящим неправильной предложно-падежной формы и использование сразу двух предлогов: одного правильного *на* и одного лишнего, неправильного *за*, причем существительное не согласуется ни с одним из них. Правильно: продукты *на обед*. Скорее всего, студентка допустила ошибку, потому что смешала *платить за обед* с формой Род. п. (возможно, *нет обеда?*). Какой бы ни была причина ошибки, она попадает в группу «непростительных».

69) *трудно когда / *ц все мои друзья / *П они живет (ам) *П *ц со всеми им / *П трудно нас / *П (ам) *П встретиться *П на выходные* (И7а).

В примере (69) перед нам еще одна ошибка в выборе формы сказуемого: вместо формы мн. ч. информант ставит сказуемое в форму ед. ч. («непростительная» ошибка).

70) *трудно когда / *ц все мои друзья / *П они живет (ам) *П *ц со всеми им / *П трудно нас / *П (ам) *П встретиться *П на выходные* (И7а).

Следующая ошибка из этого контекста – неправильный выбор, во-первых, самого местоимения (*он* вместо *они*), а во-вторых, варианта местоимения *они* в Дат. п.: информант забыл, что, если местоимение употребляется с предлогом *с*, в начале местоимения добавляется буква *н*, *с ними*. Ошибка попадает в группу «непростительных».

71) *трудно когда / *ц все мои друзья / *П они живёт (ам) *П *ц со всеми им / *П трудно нас / *П (ам) *П встретиться *П на выходные* (И7а).

Последняя ошибка из этого контекста – неправильный падеж существительного *выходные*. Вместо формы Пр. п. используется форма Вин. п. Глагол *встретиться* используется с несколькими падежами, как и предлог *на*, поэтому трудно запомнить, какой именно падеж нужно использовать в такой ситуации. Однако ошибка попадает в группу «непростительных», потому что практически со всеми значениями падежей иностранец, владеющий русским языком на уровне В2, уже должен быть знаком.

72) *и тоже мне не понравилась транспорт (И7а).*

В примере (72) видим еще одну ошибку в согласовании подлежащего и сказуемого: вместо м. р. информант ставит глагол в форму ср. р. («непростительная» ошибка).

73) [вам понравилась семья / в семье только одна бабушка или еще?] (ам) *бабушка и дедушка / и / собака / было / но умер да / две недели назад (И7а).*

В этом случае наблюдаем очередную ошибку в согласовании подлежащего и сказуемого: было допустимо или грамматическое согласование с существительным *собака*, или семантическое согласование: это была собака мужского пола, поэтому здесь и далее информант говорит о собаке в м. р. Но постановка сказуемого в форму ср. р. в данном контексте недопустима («непростительная» ошибка).

74) [вам понравилась семья / в семье только одна бабушка или еще?] (ам) *бабушка и дедушка / и / собака / было / но умер да / две недели назад (И7а).*

После первого сказуемого в форме ср. р. информант ставит следующее сказуемое в форму м. р. В разборе примера (73) было отмечено, что семантическое согласование возможно, однако оно нежелательно, так как сбивает слушателя с толку: собеседник не сразу поймет, какого пола все же была собака. Желательно сделать оговорку о поле животного, а потом продолжать рассказ в формах соответствующего рода. Ошибку относим к разряду «простительных».

75) *наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт // *В потому что здесь *В всегда будет чень долго / чтобы *П поедь куда-нибудь (И8а).*

Информант вместо инфинитива *поехать* использует просторечную (!) форму повелительного наклонения. Причину подобной ошибки трудно найти (может быть, виной тому – специфическое русское окружение информанта), но она, безусловно, попадает в группу «непростительных».

76) *автобус / конечно всегда идёт очень медленно // *В и / очень редко (и(:)) придёт автобус / по-моему может быть / будет / *П двадцать мун... минут или больше (И8а).*

В контексте (76) вместо будущего времени стоило выбрать форму настоящего времени *приходит* («непростительная» ошибка).

77) *я надеялась / что общежитие было лучше* (И8а).

В данном контексте требовалось поставить глагол *быть* в форму будущего времени, но информант выбрал форму прошедшего времени («непростительная» ошибка).

78) *как молоко или ничего такое // *П (м) поэтому мне нужно готовить для меня // для себя / почти каждый день* (И8а).

Согласно Государственному стандарту ТРКИ-1, возвратное местоимение *себя* изучается студентами на уровне В1, а значит, ко второму сертификационному уровню они с ним должны быть уже хорошо знакомы. Эта студентка, вероятно, еще не научилась уверенно употреблять местоимение и потому допускает «непростительную» ошибку, которую исправляет после непродолжительной паузы.

79) *я больше люблю Питер / *П я (ам) тока туда [в Москву] приехала много раз / потому что мои / мои(:) самые хорошие / самые близкие / *В (эм) друзья // были там* (И8а);

80) *я больше люблю Питер / *П я (ам) тока туда [в Москву] приехала много раз / потому что мои / мои(:) самые хорошие / самые близкие / *В (эм) друзья // были там / *П (ам) весь семестр я хотела быть с ними *В и они / *П сюда при... приехали тоже* (И8а).

В примерах (79)-(80) наблюдаем ошибку в употреблении глаголов движения. Пара глаголов *ехать-ездить* изучается студентами на элементарном уровне, поэтому ошибки, безусловно, попадают в группу «непростительных». Интересно, что в первом контексте (79) вокруг ошибки отсутствуют хезитативные элементы, а во втором студентка сомневается в правильности выбранного глагола, о чем свидетельствует обрыв (*при... приехали*). Однако она все равно выбирает неправильный глагол.

81) *красивее / *П и / (а) *П люди здесь по-моему / *П добрые тоже / *В и это очень важно мне* (И8а).

Информант выбирает неправильную предложно-падежную форму местоимения *я*. В данном случае стоило выбрать конструкцию *не важно*

(кому?), а *важно* (для кого?), то есть поставить местоимение в форму Род. п. Если бы местоимение стояло перед сказуемым, то форма Дат. п. не была бы ошибочной, но в данном случае желательна форма Род. п. В УП НКРЯ находим 4 вхождения на *важно мне* и 39 – на *мне важно*, а значит, для носителей языка такая конструкция допустима, поэтому ошибку относим в разряд «простительных».

3. Ошибка в выборе части речи

82) [а в Висконсине нужна зимняя обувь?] *П (э) да(:) / очень нужна / *С / *хорошо* / (э) зимняя *В мой (э) погоду можно (эм) *ц минус сорок градусов (И5b).

Продолжим разбирать пример из монолога информанта И5b – см. контекст (82). Вероятно, в Висконсине нужна *хорошая* зимняя обувь. Информант допускает ошибку и вместо прилагательного выбирает наречие *хорошо*. Различать наречие и прилагательное иностранцы учатся на элементарном уровне (см, например: *Московкин, Сильвина* 2019: 39; *Беликова и др.* 2020: 75), а значит, ошибка относится к «непростительным».

ИРМ этих двух лексем примерно одинаковый: 485.7 у *хорошо* и 471.4 у *хороший*. Возможно, ошибка допускается информантом под влиянием родного языка: в английском и прилагательное, и наречие соответствуют слову *good*, и это ведет к затруднениям в выборе части речи.

83) [а в Висконсине нужна зимняя обувь?] *П (э) да(:) / очень нужна / *С / *хорошо* / (э) зимняя *В мой (э) погоду *можно* (эм) *ц минус сорок градусов (И5b).

В этом же контексте – на этот раз (83) – есть довольно спорная ошибка, о которой уже говорилось в группе лексических ошибок. Спорная она потому, что мы не можем быть уверены в речевых намерениях информанта. Часть речи точно выбрана неверно: вместо слова категории состояния *можно* стоило употребить или вводные конструкции *может / может быть*, или модальный глагол в составе составного смешанного сказуемого («непростительная» ошибка).

84) *мне повезло / потому что / *П (а-ам) / *П эта программа позво... по... *П позволяет меня / (а-а) / читать литературу / и делает чт... / *П что-нибудь больше / чем / *П (а) / заниматься языком (ИЗа).*

В контексте (84) студентка, вероятно, образовала сравнительную степень от наречия *много*, в то время как русскоговорящий, скорее всего, выбрал бы слово *большее*, которое пока воспринимается как прилагательное, но в разговорной речи субстантивировалось и функционирует как существительное. Обратимся к словарю Т. Ф. Ефремовой, в котором слово приведено с пометой ‘разг.’: *большее* – ‘то, что более чего-либо’ (Ефремова 2000). В словаре нет пометки о части речи, но по словарной статье видно, что это не прилагательное. Информант выбирает другое слово, потому что, во-первых, *программа делает много* звучит правильно, во-вторых, потому что конструкция *больше, чем* абсолютно нормальна для русского языка. И в-третьих, возможно, он не знаком со словом *большее* в таком значении, а значит, ошибка «простительная».

Если немного перефразировать предложение, то *больше* перестает быть ошибкой: *позволяет делать больше, чем просто заниматься языком*. Однако мы имеем дело с конструкцией, составленной студенткой, и оцениваем именно ее.

85) *это(:) ни... / *П подходило / *П к моему представлению России // *В (ам) / *П не только много () движений / но () иногда / как водитель маши... машины // *В (э) водит / *П по(:) / тротуару (ИЗа).*

В примере (85) студентка поставила существительное *движение* в правильную предложно-падежную форму, но выбрала неправильное число: в значении ‘Действие того или иного вида транспорта, механизма’ слово употребляется только в форме ед. ч. (БТС 2014). С этим значением информант знаком, в лексическом минимуме ТРКИ-2 находим словосочетание *уличное движение*, а значит, ошибка «непростительная».

86) *мне очень понравится / (э) понравилось / *В (эм) П *ц центр города / и Невский проспект / и думаю че... очень / (ам) *В замечательно / *П *ц часть города (И7а).*

Вместо наречия информант должен был использовать в контексте (86) прилагательное *замечательный*, согласованное с существительным *часть*. Подобная ошибка рассматривалась в примере (82), поэтому разбирать этот контекст мы не будем. Ошибка попадает в разряд «непростительных».

87) *кроме этого / *П (ам) мне *П понравилось / что *П (ам) *П Россия продукты / они не так дорогие (И7а).*

Местоименное наречие *так* и местоимение-прилагательной *такой* имеют схожее значение усиления: *такой* – ‘Выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки’, *так* – ‘В такой степени, до такой степени, настолько’ (БТС 2014). Однако *такой* используется для усиления значения прилагательных и существительных, а *так* – для усиления значения наречий и глаголов, а значит, в данном случае информанту следовало выбрать местоимение-прилагательное. Оба слова есть в лексическом минимуме ТРКИ-2, поэтому ошибку относим к группе «непростительных».

88) *наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт // *В потому что здесь *В всегда будет чень долго / чтобы *П поедь куда-нибудь (И8а).*

В примере (88) информант выбирает глагол *быть* в форме будущего времени, однако вместо глагола информанту стоило выбрать слово категории состояния *нужно*. С этой конструкцией информанты знакомы с элементарного уровня, поэтому ошибка попадает в группу «непростительных».

2.6.2. Синтаксические ошибки

Среди ошибок такого типа также удалось выявить несколько разновидностей. Рассмотрим их подробнее.

1. Ошибки в формировании подчинительной связи

Ошибки в формировании подчинительной связи находятся на границе между морфологией и синтаксисом, потому что, с одной стороны, они возникают при выборе формы слов, с другой стороны, эти ошибки приводят к разрушению связи внутри словосочетания, а значит, и предложения. Кроме того, словосочетание, как правило, изучается в разделе «Синтаксис», ср.:

«Синтаксис словосочетания проявляет синтаксические свойства отдельных слов и устанавливает правила их сочетаемости с другими словами, причем эти правила определяются грамматическими признаками слова как определенной части речи» (Валгина 2003: 4-5). Иными словами, именно в словосочетании прежде всего реализуется грамматическое значение слов, а значит, и их морфологические свойства. В то же время, синтаксические связи прежде всего реализуются именно в словосочетаниях. «Поскольку словосочетание функционирует в предложении, формы слов с предлогами или без них становятся средствами выражения синтаксических отношений и в предложении (только посредством словосочетаний)» (там же: 47).

Эту группу можно разделить на подгруппы по типам синтаксической связи.

а) Ошибки в построении *согласования*

«Согласование – такой вид связи, при котором происходит уподобление зависимого слова главному по линии общих для них грамматических категорий. Флексия зависимого слова выступает в качестве формального показателя такого уподобления...» (Синтаксис... 2009: 48). «При согласовании всегда устанавливаются определительные отношения» (Валгина 2003: 50). Ошибкой, таким образом, является выбор неподходящей к грамматическим категориям главного слова флексии, ср.:

89) *и(·) *П я думаю что(·) / (ʌ?g э-э) *В еда конечно / *В в России / очень вкусный // *В (а-а) *Ш особенно / *В блины (И1b);*

90) *в Санкт-Петербурге / (ам) очень *П очень лучше *В чем в Америке / (эм) *П здесь еда(·) *П (э) *П натуральный / *П (а) и *П очень вкусно (И5b).*

В примерах (89)-(90) информанты неправильно определили род слова *еда* и вместо окончания ж. р. выбрали окончание м. р. С данной лексикой и грамматикой иностранцы, владеющие русским языком на базовом уровне,

должны быть знакомы²⁰, но ошибки в обоих случаях остаются неисправленными («непростительные» ошибки).

91) *и(·) *П (а) *П и(·) *П хотя / мой / *П (э) / моя / *П (а) / пор... / порция / *П *В и(·) моя (а-а) / *П моей подруги // *П (э-э) *П шесть... / шес(·)тьсот долларов (И2b).*

В примере (91) представлена ситуация, похожая на предыдущую: информант сначала неправильно определяет род существительного и выбирает неправильную форму зависимого слова, в данном случае притяжательного местоимения: *мой* вместо *моя*, – но после паузы (практически – онлайн) исправляет ошибку, которую можно признать «непростительной».

92) *и(·) *П (а) *П и(·) *П хотя / мой / *П (э) / моя / *П (а) / пор... / порция / *П *В и(·) моя (а-а) / *П моей подруги // *П (э-э) *П шесть... / шес(·)тьсот долларов (И2b).*

Пример (92) демонстрирует несколько иную ошибку согласования: в данном контексте тот же информант И2b неправильно выбрал падежную форму местоимения, но после небольшой паузы (также практически – онлайн), как и в предыдущем примере, исправил «непростительную» ошибку.

93) [а в Висконсине нужна зимняя обувь?] **П (э) да(·) / очень нужна / *С / хорошо / (э) зимняя *В мой (э) погоду можно (эм) *ц минус сорок градусов (И5b).*

Еще одна ошибка из уже знакомого примера про погоду из монолога И5b. Как уже было сказано выше, не до конца понятно, что имел в виду информант, а потому сложно понять, к чему отнести притяжательное местоимение *мой*. Вероятно, местоимение относится к существительному *погода*. Эта ошибка могла возникнуть по двум причинам. Во-первых, существительное *погода* – ж. р., а значит, стоило употребить местоимение в форме того же рода. Во-вторых, существительное стоит в форме Вин. п.,

---

²⁰ Слово *натуральный* отсутствует в лексическом минимуме базового уровня, но, судя по всему, информант знает значение этого слова. Стоит отметить, что для правильного согласования прилагательного и существительного по роду, числу и падежу не обязательно понимать значение прилагательного, так как обычно семантика на выбор флексии не влияет.

а значит, местоимение тоже необходимо поставить в форму Вин. п.: *мою погоду* («непростительная» ошибка).

94) [а города какие понравились?] **В горо... *ц мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города (И5b).*

В примере (94) видим нарушение в согласовании еще одной грамматической категории – категории числа. При этом форма глагола выбрана правильно, а окончание прилагательного – ошибочно, *большой* вместо *большие*. Ошибка является «непростительной» и остается неисправленной.

Перейдем к ошибкам информантов со средне-продвинутым уровнем владения языком.

95) *когда я сюда приехала / и(:) / *П (э) / *П я думаю что(:) / самые / *П нежизненный *П / (э) нежизненный вещь / (э-э) / *П была(:) / *П (а-ам) / *П (хм) / как // *П (э) / было влияние советского / *П (э) / советского времени (И3а).*

В данном контексте наблюдаем нарушение согласования по числу и роду. Первая ошибка, которая бросается в глаза, это ошибка во фразе *самые нежизненный вещь*: слово *самые* стоит в форме мн. ч., слово *нежизненный* – в форме ед. ч. м. р., в то время как существительное *вещь*, с которым согласуются прилагательное и определительное местоимение, – ж. р. Таким образом, фраза, вероятно, должна была выглядеть следующим образом: *самая нежизненная вещь*. Согласно лексическому минимуму второго сертификационного уровня, информант должен знать слово *вещь* и, конечно, уметь согласовывать прилагательные и определительные местоимения с существительными, а значит, перед нами «непростительная» ошибка.

Далее видим глагол *быть* в форме прошедшего времени ж. р., который согласуется с существительным (то есть род существительного студентка знает), но после паузы студентка меняет форму глагола и ставит его в форму ср. р. Невозможно с уверенностью утверждать, что она допустила ошибку,

которую исправила после хезитативной цепочки, возможно, информант поменял стратегию по ходу речепорождения. Кроме того, скорее всего, причина этих ошибок кроется в особенностях спонтанной речи. Однако в конечном тексте видим, что *влияние советского времени было (чем?) самой нежизненной вещью*, а значит, перед нами нарушение в построении управления. Эту ошибку мы разберем ниже, в примере (109).

96) *Москва очень / *В (а) / очень отличается от Питера // *П обе оба мне нравятся но(:) / и то и другое мне нравится / но Мо...Москва / *В (э-э) / *П большой / и там больше(:) / истории // *П больше(:) (ИЗа).*

В примере (96) нет эксплицитно выраженного главного слова (*город*), и именно поэтому информант сначала допускает «непростительную» ошибку: он согласовывает числительное с одним городом, *Москвой*, хотя говорит о двух городах, но сразу исправляет себя.

97) *Москва очень / *В (а) / очень отличается от Питера // *П обе оба мне нравятся но(:) / и то и другое мне нравится / но Мо... Москва / *В (э-э) / *П большой / и там больше(:) / истории // *П больше(:) (ИЗа).*

В том же контексте есть еще одна ошибка, возникшая по той же причине: информант не может решить, с чем согласовывать зависимые слова: со словом *Москва* или со словом *город*. В этот раз информант решил согласовать прилагательное *большой* со словом *город*, но опять ошибся и ошибку не справил («непростительная» ошибка).

98) *как молоко или **ничего такое** // *П (м) поэтому мне нужно готовить для меня // для себя / почти каждый день (И8а).*

Местоимение-прилагательное не согласовано с отрицательным местоимением: вместо Род. п. оно стоит в форме Вин. п. («непростительная» ошибка).

б) Ошибки в построении управления

Существует несколько трактовок управления как вида синтаксической связи (см.: *Синтаксис...* 2009: 51-56). В настоящей работе мы будем придерживаться узкого понимания управления, принятого в академических грамматиках русского языка 1970 г. (*Грамматика...* 1970) и 1980 г. (*Русская*

грамматика 1980): «Управление – это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом)» и означает отношения восполняющие (комплетивные), объектные, объектно-восполняющие или объектно-определяющие» (цит. по: *Синтаксис...* 2009: 55). Синтаксическая связь с определительными отношениями между компонентами типа *гулять в саду* рассматривается как падежное примыкание (*там же*).

99) *В и(:) / *П (а-ам) *П я думаю что(:) трудно / (э-эм) *В использовать интернетом здесь (И1b).*

В этом случае (99) вместо переходного глагола *использовать* (что?) информанту следовало употребить непереходный возвратный глагол *пользоваться* (чем?). И хотя иностранцы, владеющие языком на базовом уровне, уже знакомы с переходными и непереходными глаголами, а также с некоторыми возвратными глаголами (например, *учиться*), подробнее возвратные глаголы изучаются подробнее только на уровне В2.

Оба глагола отсутствуют в лексическом минимуме базового уровня, однако глагол *использовать* раньше появляется в учебниках РКИ. Например, в 11-ом издании учебника Л. В. Московкина и Л. В. Сильвиной «Русский язык» глагол *использовать* видим уже в третьем уроке, хотя и выносится в словарь только в уроке 21 (*Московкин, Сильвина: 2019: 21, 231*). Таким образом, эта ошибка является «простительной».

Кроме того, у этих глаголов очень похожее значение, ср.: *использовать* – ‘употребить в какое-нибудь дело, найти применение кому-нибудь или чему-нибудь с целью извлечения пользы, воспользоваться кем-нибудь или чем-нибудь для чего-нибудь’, *пользоваться* – ‘прибегать к помощи кого-нибудь или чего-нибудь, употреблять что-нибудь для удовлетворения своих нужд и потребностей, применять что-нибудь’ (*Ушаков 1935-1940*). Очевидно, что разницу между глаголами почувствовать трудно, особенно если они являются малознакомыми. По данным частотного

словаря, IPM слова *использовать* 249.6, а *пользоваться* – 120.1, т. е. в два раза меньше. Не удивительно, что информант допускает ошибку: представляется, что он еще не знает слова *пользоваться*, и потому выбирает известное ему слово с подходящей семантикой и, главное, знакомой грамматикой.

Интересно обратиться к интернет-ресурсу HiNative (<https://hinative.com>), на котором можно задать вопрос носителям изучаемого языка. Вопрос «В чем разница между *использовать* и *пользоваться*» был задан пользователями несколько десятков раз. Это лишь подтверждает, что иностранцам очень трудно понять разницу между этими глаголами, а значит, правильно их использовать.

100) *обычно у нас / *П (м) бесплатный / *П интернет / *В в общежитии / и(:) / *В (э) / везде // но (э) здесь трудне* / и(:) / *В (эм) *П мне / *П (э) *В обычно нужно использовать интернетом в ... / *П кафе / *П или / (э) где-то (И1b).*

Контекст (100) уже был рассмотрен ранее, и если принять, что вместо слова *использовать* в данном контексте стоило бы сказать *пользоваться*, то падеж существительного выбран говорящим вполне корректно. Однако информант выбрал слово *использовать*, а этот глагол требует существительного в значении прямого объекта, а значит, в форме Вин. п., а не Тв. п. Ошибку информант не исправляет и, судя по отсутствию в окружении ошибочной формы хезитационных элементов, даже не замечает ее, а обдумывает уже следующую порцию высказывания (*в ... / *П кафе*). Это происходит потому, что иностранный учащийся еще не знает слова *использовать*, а значит, не понимает, в каком падеже должно стоять существительное после него (ошибка из разряда «простительных»).

101) [*нашли квартиру?*] **В да // я нашла () квартира // (а-а) / с(:)*П подругой // *П и(:) *П это(:) / *П чуть-чуть дорого (И2b).*

Контекст (101) похож на предыдущий: глагол *найти* требует после себя существительного в Вин. п., т. е. прямого объекта, но информант выбирает форму Им. п. Пример (101) интересен еще и тем, что

вспомогательный вопрос экспериментатора содержит в себе правильную форму существительного, и информант в своем ответе повторяет часть вопроса (*я нашла*), но, после некоторой заминки – (), – все же делает ошибку, заменяя форму Вин. п. на Им. п. В лексическом минимуме базового уровня есть глагол *найти*, после него присутствуют вопросы *кого? что?*, которые свидетельствуют, что иностранец, владеющий языком на базовом уровне, должен знать, что после этого глагола необходимо использовать существительное в Вин. п. (ошибка из разряда «непростительных»).

102) *не знаю / квартиры находятся(:) / *П очень / близко(:) / *П (э-э) / Невского проспекта // *П (э) / около Невского проспекта / и(:) / *П (э-э) *П около метро / *П «Маяковская» (И2b).*

Выбранная информантом конструкция должна выглядеть следующим образом: *близко от + Род. п.*, но информант пропускает предлог. При этом предлог заменяется рядом хезитативных элементов, а значит, говорящий понимает, что допускает какую-то ошибку. Вероятно, в примере (102) ошибка допущена из-за того, что слова *близко* и *около* являются синонимами.

Информант замечает свою ошибку и заменяет конструкцию на синонимичную, в правильности которой он, судя по всему, уверен больше. К тому же вторая конструкция окружена меньшим количеством хезитативных элементов, а значит, вызывает у информанта меньше сомнений. Обратимся к «Частотному словарю». ИРМ слова *близко* – 46.2, а слова *около* – 228.1, то есть информант слышит словосочетания с *около* почти в пять раз чаще, и потому употребляет их с большей уверенностью.

Согласно Государственному стандарту базового уровня, информант должен быть знаком с использованием форм Род. п. с предлогом *от*, а значит, ошибка попадает в ряд «непростительных».

103) [в каких ресторанах вы были?] *В (э) *я бы(:)л была в Танжи(:)н *В и(:) в(:) *П *ц (а(:)) *П (а) я забыла как называется (И5b).*

В примере (103) представлена еще одна ошибка в построении управления: после глагола *быть* используется форма Тв. п. (*быть кем*) или Пр. п. (*быть где*). Информант говорит о месте, а значит, нужно было

поставить существительное в форму Пр. п. Растяжка звука внутри слова *Танжин* свидетельствует о том, что информант сомневался в том, в какую форму следует поставить название бара. Причиной ошибки может быть следующее: информант подумал, что, так как слово *Танжин* заимствованное, оно относится к числу несклоняемых существительных. Иностранец, владеющий РЯ на базовом уровне, безусловно, знает об их существовании. В лексическом минимуме базового уровня (с пометкой **неизм.**) есть десять таких существительных. Это слова *видео, кафе, кино, кофе, метро, пальто, пианино, радио, такси, хобби* (Лексический минимум... 2019а: 14, 32, 34, 36, 46, 48, 58, 66, 72). Ошибку относим к разряду «простительных».

104) *не знаю // не(:) много **вещи** которы(:)е *П которы(:)е *П мне не *П нравятся / *П здесь (И5b);*

105) *легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С / и(:) (ам) *П много **вещи(:)** / можно делать // т *П здесь (И5b);*

106) *мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С / и(:) (ам) *П много **вещи(:)** / можно делать // т *П здесь / с музе(:)и *П магазины / **много вкусные рестораны** (И5b).*

В примерах (104)-(106) допущена ошибка в сочетании существительного с наречием *много*, после которого нужна форма Род. п. мн. ч. Учащиеся узнают об этом на элементарном уровне обучения (см.: *Московкин, Сильвина* 2019: 125). Однако информант И5b допускает одну и ту же ошибку трижды: вместо Род. п. он выбирает форму Им. п., что свидетельствует о том, что о правиле он забыл, а значит, ошибка точно попадает в группу «непростительных».

107) *[вы сказали дорого / а сколько дорого?] *В (ам) *П это(:) / *П где-то / *П (а) **четыреста(:)** / *П на **месяц** // *П [долларов?] **долларов** / да (И2b).*

В контексте (107) прежде всего можно видеть эллипсис: во фразе *четыреста долларов в месяц* информант опускает слово *долларов*, так как ему кажется, что оно понятно из контекста, однако экспериментатор все же просит уточнения. Эта конструкция подразумевает использование предлога

в, но информант делает неверный выбор. По растяжке конечного звука и паузам, окружающим ошибку, понятно, что информант сомневался и, возможно, пытался вспомнить, какой предлог ему стоит использовать («непростительная» ошибка).

108) [это старый фильм или новый фильм?] *да / старый с...з...с создан *П тысяча девятьсот шестьдесят *П восьмом году* (Ибв).

В примере (108) обстоятельство времени стоит в правильном падеже, но информант пропустил предлог *в* («непростительная» ошибка). Возможно, это произошло из-за того, что информант вспоминал год создания фильма, об этом свидетельствуют паузы, и потому забыл о предлоге.

Примеры (102), (107) и (108) показывают, насколько важна роль предлогов в предложении. Предлоги вместе с формой слова служат средством связи слов, они уточняют значение падежных форм слова, а потому именно им принадлежит большая роль в конструировании словосочетания (Валгина 2003: 46). «В соединении слов друг с другом в предложении главную роль выполняют служебные части речи (предлоги, союзы, частицы)», поскольку без них невозможно соединение слов между собой, они выражают смысловые отношения между членами предложения и вносят дополнительную семантику (Синтаксис... 2009: 11).

109) *когда я сюда приехала / и(:) / *П (э) / *П я думаю что(:) / самые / *П нежизненный *П / (э) нежизненный вещь / (э-э) / *П была(:) / *П (а-ам) / *П (хм) / как // *П (э) / было влияние советского / *П (э) / советского времени* (ИЗа).

В примере (109) мы уже говорили об ошибке, допущенной в построении согласования, а теперь обратим внимание на другую ошибку – в построении управления: *влияние советского времени было (чем?) самой нежизненной вещью*. Информанту требовалось поставить словосочетание *самая нежизненная вещь* в форму Тв. п. (*быть, являться кем?, чем?*). Об этих значениях Тв. п., согласно государственному стандарту В2, информант должен знать, а значит, ошибка попадает в категорию «непростительных».

110) *что здания ни(:) / *П все / *П блестящие / новые // *С (а-ам) / *П как / *П (а-а) / как не все здания / как спас спас на крови // *С *В (а-а) / *П (и-и) / даже переделали многих () зданий / в аптеках / аптеки // *П и так далее (И3а).*

В контексте (110) глагол *переделать* требует Вин. п. (БТС 2014), однако информант выбирает форму Род. п., что является ошибкой. Со значением Вин. п. ‘объект’ иностранцы знакомятся еще на элементарном уровне обучения (*Государственный стандарт... Элементарный уровень 2001*), поэтому эта ошибка попадает в группу «непростительных».

111) *что здания ни(:) / *П все / *П блестящие / новые // *С (а-ам) / *П как / *П (а-а) / как не все здания / как спас спас на крови // *С *В (а-а) / *П (и-и) / даже переделали многих () зданий / в аптеках / аптеки // *П и так далее (И3а).*

Ошибка в выборе падежной формы наблюдается и в контексте (111). Правильная конструкция выглядит следующим образом: *переделать что во что*, то есть дважды употребляется Вин. п. Информант выбирает форму Пр. п., допуская «непростительную» ошибку, но сразу исправляет ее.

112) [какой там климат?] **В *П ну / не тако... *П квыше(?) / но(:) // *В много дожди(:) // (а-ам) // ну / как бы // *П не очень хорошая погода (И4а).*

О подобных ошибках уже говорилось в примерах (104)-(106), в данном контексте (112) информант тоже забыл о том, что после числительного *много* следует употреблять существительное в форме Род. п. («непростительная ошибка»).

113) *я думаю что / незнакомые кновелдзе (knowledge?) *В иногда грубые и неприятные / но (э) *ц когда *П я (ам) *П *ц больше знают кто-то / (эм) они всегда приятные и добрые (И7а).*

Глагол *знать* требует после себя существительное или в Вин. п., или в Пр. п., но информант выбирает форму Им. п. Об этом правиле иностранцы узнают на элементарном этапе обучения, например, в учебнике Л. В. Московкина и Л. В. Сильвиной, об этом рассказывается уже в уроке 4 (*Московкин, Сильвина 2019: 25*). Ошибка попадает в группу «непростительных».

114) [а во Флориде вы в каком городе живете / не в Санкт-Петербурге?] *нет* / *С *П (ам) *наоборот* / (эм) ***итате*** *над* / (ам) *П *восточном берегу* (И7а).

В контексте (114) наблюдаем еще одну ошибку, связанную с предлогами: в данном случае информант пропустил предлог *в*, нарушив структуру предложения («непростительная» ошибка).

115) *в Питсбурге* / *В (а) *ц *где я обычно живу* / *есть* / *три реки тоже* // *и когда я смотрю Неву* / *П *наверно просто мне напоминает о том* (И8а).

В примере (115) нарушена целостность конструкции *смотреть на* (*что?*), потому что информант пропустил предлог, при этом существительное *Нева* стоит в правильной форме Вин. п. («непростительная» ошибка).

116) *это не мешало* // *П (м) *не мешало* / *П (ам) *с моей поезд... (?) сюда* (И8а).

В контексте (116) информант выбрал правильную форму Дат. п., но неправильно его реализовал: вместе с предлогом *с* студентка добавила значение ‘совместного действия’, которое в этом контексте отсутствует. Добавив лишний предлог, она допустила «непростительную» ошибку.

в) Ошибки в построении *падежного примыкания*

Падежное примыкание, наряду с собственно примыканием, является видом примыкания в широком его понимании, принятом в академических грамматиках 1970 и 1980 гг. (*Грамматика...* 1970; *Русская грамматика* 1980). В эту группу включаются примыкающие падежные и предложно-падежные формы с определительным значением. При этом определительные значения понимаются грамматикой 1980 г. широко: наряду с собственно-определительными (*крыша дома*) в их состав включаются обстоятельственно-определительные (временное (*работать ночами*), пространственное (*вернуться с работы*), причинное (*молчать из вежливости*), целевое (*ехать в отпуск*) и другие отношения) и субъектно-определительные (*приезд отца*) отношения. Таким образом, при падежном

примыкании главным фактором является не формальный способ вхождения зависимого слова в словосочетание, а синтаксические отношения (цит. по: *Синтаксис...* 2009: 58).

При другом подходе падежное примыкание относят к *слабому управлению*, однако в настоящем исследовании оно все же выделено в отдельную группу. Причина такого подхода заключается в том, что этот вид связи может вызывать у иностранцев определенные трудности: главное слово не требует от зависимого определенного падежа, а значит, понять или запомнить, какую предложную или предложно-падежную форму выбрать, невозможно, и выбор основывается исключительно на семантике.

117) *здесь (ам) я(:) живу(:) *П с(:) две(:) *П американские(:) девуш(о)шки(:) / (эээ) *П (мм) *П две(:) *П русские девушки* (И6b).

В контексте (117) требовалось поставить дополнения в форму Тв. п., реализуя обстоятельственно-определительные отношения. Информант правильно выбирает предлог *с*, но забывает об окончаниях именных форм и допускает «непростительную» ошибку. Причиной ошибки, вероятнее всего, послужила межъязыковая интерференция: иностранцам, в языковой системе которых синтаксические отношения выражаются другими способами, а само слово при этом не изменяется, особенно сложно правильно употреблять падежные формы.

118) *мне очень нравятся суши / *В (ам) (м) *П *ц я была в *П Дубае / *П и(:) *П *ц (а(:)) *П это ресторан *П *ц Невский проспект / *П (ам) *П называется / я забыла как по-русски / *В но(:) по-английски называется Welby bar* (И5b).

В примере (118) информант допустил «непростительную» ошибку при реализации атрибутивных отношений: несогласованное определение должно стоять в форме Пр. п., а не Им. п.: *ресторан на Невском проспекте*. Вероятно, ошибка была допущена потому, что информант пытался вспомнить название бара, и внимание было сконцентрировано на нем, при этом контроль над процессом речепорождения был ослаблен.

119) *мои друзья / *П они живет (ам) *П *ц со всеми им / *П трудно нас / *П (ам) *П встретиться *П на выходные / *П и(ам) *П *ц где-то / *П дорогие / (э) (?)щербных / *П и *П когда мы всегда надо / *В (ам) ездят на ресторане / *П (?) *П (?) (эм) и тоже мне не понравилось транспорт (И7а).*

Когда мы говорим о месте, мы употребляем форму или Пр. п., или Вин. п., в данном случае информант сделал неправильный выбор, причем не только падежа, но и предлога. Правильно: *ездыт в ресторан*, ошибка «непростительная».

120) *мне больше понравилась / *П я думаю / первый раз / я / ездила в (ам) *П *ц не Павловске / *П те (а) *П (ам) *П Летний дворец (И7а).*

Эта ошибка очень похожа на контекст (119): но информант не заменил предлог, а пропустил его. В этом случае стоило поставить название города в форму Вин. п. с предлогом *в*, *в Павловск* («непростительная» ошибка).

121) *так много движения на улице / *П я просто / этого не представляла / это(:) ни... / *П подходило / *П к моему представлению России (И3а).*

Существительное *представление* в значении ‘понимание, знание кого-, чего-л.’ требует после себя Вин. п. (БТС 2014), однако информант выбирает Род. п. и допускает «непростительную» ошибку.

Возможной причиной появления в речи иностранцев ошибок в реализации падежного примыкания может быть тот факт, что в принципе примыкание – самый простой тип синтаксической связи и легко усваивается англоговорящими студентами, так как напоминает аналитический строй родного языка. Для построения этого типа связи не нужно изменять зависимое слово, необходимо просто «подставить» семантически правильную единицу. В такой ситуации о предлоге говорящие часто просто не вспоминают.

г) Ошибки в построении сложных предложений с подчинительной связью

122) *я думаю / что_ / *П мне очень повезло(:) / *П (а-ам) / с семьёй // *П (э-э) / с которой я живу / они очень / хорошие люди (И3а).*

В контексте (122) неправильно выбран предлог для присоединения определительного придаточного. Неправильный выбор сделан из-за

логической ошибки и предлога при существительном *семья*: стоило сказать *с семьей, в которой я живу*, а не *с семьей, с которой я живу*, так как студентка живет в доме семьи временно, пока она учится в России, а конструкция с предлогом *с* создает ощущение постоянного проживания. Несмотря на то что, по Государственному стандарту ТРКИ-2, студентка уже должна быть знакома с определительными придаточными, включаем эту ошибку в группу «простительных», так как ошибка базируется на логике и не мешает коммуникации.

123) *поездки тоже мне / очень / *П понравились // *В (а-а) / особенно в Москву // *П (ам) / *П конечно / *В невозможно / все видеть / и(:) // *П за три / *П три дня // *П (а) / *П которое время мы там были / но(:) / и / (э) / *П мне ка... / мне казалось / что Москва очень / *В (а) / очень отличается от Питера (И3а).*

В примере (123), как и в предыдущем, допущена ошибка в построении определительного придаточного, однако ошибка базируется уже не на логике. Информант меняет местами слова и говорит *которое время*, таким образом ставит слово, к которому присоединяется придаточная часть, внутрь самого придаточного, что, конечно, является грубой ошибкой. Правильно было бы сказать: *время, которое мы там были*. Согласно Государственному стандарту ТРКИ-2, студентка должна уметь строить подобные предложения правильно, а значит, это «непростительная» ошибка.

124) *мне не... не понравилась (э) погода / *В (э) я из штата Флорида / тропичес...тропическом *П нет / не знаю / (ам) климате / и там / всегда солнце (И7а).*

Ошибка в контексте (124) – результат необоснованного эллипсиса в начале придаточного предложения: студентка пропустила часть *который находится в*, причем она поняла, что сделала ошибку, но или не знала, как ее исправить, или ей было лень возвращаться и обдумывать, что она сказала не так, но ошибка осталась неисправленной. Интересно, что, несмотря на пропуск предлога *в*, словосочетание *тропический климат* стоит в правильной падежной форме («непростительная» ошибка).

125) *я как строгая веге... вегетарианка / и я не ем ничего / из животных* (И8а).

В контексте (125) наблюдаем еще один пример необоснованного эллипсиса: стоило сказать *ничего, что готовится из животных*, но информант опустил значительную часть придаточного изъяснительного предложения («непростительная» ошибка).

2. Ошибки в построении предложения, вызванные межъязыковой интерференцией

В эту группу попадают ошибки, причина появления которых обусловлена влиянием родного языка инофона: говорящий буквально переводит конструкцию с английского языка на русский, тем самым совершая ошибку, ср.:

126) *мне нравится погода / хотя(:) / (э) / у меня // *П (м-м) // *П я *П предпочитаю / *П (э-э) / цвет // *П больше света* (И2б).

На первый взгляд, информант в контексте (126) совершил лексико-морфологическую ошибку. Согласно толковому словарю, предпочесть – «кого-что кому-чему. Дать преимущество кому-н. перед кем-н., найти, признать кого-что-н. лучшим по сравнению с другим» (Ушаков 1935-1940), т. е. предпочесть можно что-то (Вин. п.) чему-то (Дат. п.), например: *свет – тьме*. Первое значение не подходит к приведенному контексту. Второе определение звучит следующим образом: «Счесть за лучшее, выбрать предпочтительно перед чем-нибудь». Глагол во втором значении употребляется с инфинитивом, например: *предпочел остаться дома (там же)*. Однако и это определение не подходит, а значит, информант выбрал неверную лексическую единицу.

Почему тогда этот пример не попал в группу лексических ошибок? Дело в том, что в данном случае невозможно заменить неверно выбранное слово на другое и получить правильно построенную фразу. Для корректного выражения интенции слово *предпочитаю* следует заменить на конструкцию *мне нравится, когда...*

Буквальный перевод слова *предпочитать* – *to prefer*. Обратимся к Кембриджскому словарю. “We use prefer to say we like one thing or activity more than another. We can use a prepositional phrase with to when we compare two things or actions: *I prefer tea to coffee*”. То есть в первом значении семантические отношения внутри словосочетания схожи с теми, которые выражает конструкция *предпочитать что (Вин. п.) чему (Дат. п.)*. Второе значение аналогично второму значению русского глагола (*prefer + to-infinitive*) (<https://dictionary.cambridge.org/ru/>). Далее в словарной статье приводится употребление глагола в сослагательном наклонении: “We use would prefer or 'd prefer, followed by a to-infinitive or a noun, to talk about present and future preferences: *Would you prefer a quieter restaurant?*” Переведем пример: *Ты бы предпочел(ла) ресторан потише?* Возможно, именно эта конструкция была переведена информантом, но, так как он, скорее всего, еще не знаком с сослагательным наклонением (по Государственному стандарту, оно должно быть освоено только на уровне В2), без частицы *бы* (ошибка из разряда «простительных»). На данном этапе обучения информанту следовало бы использовать конструкцию *мне нравится, когда...*

127) *мне(:) нравится *П *П Санкт-Петербург *П потому что(:) *П но(:) *П много театров е(:)сть / *П и музе(:)... *П здесь так (И6б).*

Ошибка в контексте (127) допущена по причине того, что в родном языке информанта, английском, глагол *быть* в настоящем времени не опускается. Русскоговорящий человек сказал бы *в Санкт-Петербурге много театров*, то есть опустил бы глагол *быть*, но информант И6б дважды допускает эту ошибку – см. ниже пример (130). Ошибка попадает в группу «непростительных».

128) *до того как я / приехала сюда / я / (э-э) // *П (а-а) // *П представляла себе(:) / Россию // *П по-моему как она была // *П или в девятнадцатом веке / или () в русской литературе (И3а).*

В данном примере (128) наблюдаем ошибку в построении сложного предложения: стоило сказать: *Я представляла Россию такой, какой она была*

..., в устной речи возможно опущение указательного местоимения *такой*. Но информант дословно переводит с английского на русский то, что она хочет сказать: *I imagined Russia as it was...*, и допускает ошибку. Поскольку студентка должна быть знакома с правилами построения определительных придаточных, относим ошибку в разряд «непростительных».

129) *то / что я не люблю / это / *П (э) / когда / есть слишком много людей / в одном месте / (э) / например утром в метро (И4а).*

Ошибка из примера (129) похожа на ошибку, описанную в примере (127): информант не опускает глагол *быть* в настоящем времени и допускает «непростительную» ошибку.

3. Нарушение семантической организации предложения

В основе подобных ошибок лежит неправильное формирование синтаксических связей, которое приводит к нарушению семантической организации предложения, ср.:

130) *ну(:) *П (м) Псков *П у Пскова есть *П много(:) *П природы / *П (м) не больше чем *П Петербург (И6b).*

В контексте (130) *Псков* берет на себя функцию семантического субъекта предложения: перед нами семантика обладания. Однако *Псков* не обладает природой, *Псков* является *местом*, в котором информант наблюдал *много природы*. Информанту следовало бы употребить форму *Пр. п. в Пскове* и, соответственно, перевести ее из роли субъекта в роль обстоятельства.

Корректность употребления в данном контексте глагола *быть* в форме настоящего времени в качестве глагольной связки, которую в русском языке традиционно опускают, также вызывает сомнение. Для этой ошибки есть две возможных причины. Во-первых, в родном языке информанта глагол *быть* в настоящем времени не опускается, по этой же причине была допущена ошибка в контекстах (127) и (129). Во-вторых, вероятно, информант, оказавшись в затруднительной ситуации, использовал для построения данного предложения знакомую конструкцию *У меня есть...*, но допустил

«непростительную» ошибку. О трудностях говорящего свидетельствуют и окружающие ошибку хезитативные элементы.

131) *кроме этого / *П (ам) мне *П понравилось / что *П (ам) *П Россия продукты / они не так дорогие (И7а).*

Контекст (131) попадает в эту группу, потому что информант как будто не отвел существительному *Россия* роль в предложении, а поместил его вместе с *продуктами* в именительный темы. Однако *Россия* в данном случае является обстоятельством, выступает в роли детерминанта и должна стоять в форме Пр. п. Согласно Государственному стандарту ТРКИ-2, информант должен уметь выражать обстоятельственные отношения, а значит, ошибка попадает в группу «непростительных».

132) *дворец и / *С / много (эм) сади / садов // *В (ам) и первый раз я ездила солнце светло / и было не так жарко как летом (И7а).*

В примере (132) в составном именном сказуемом придаточного предложения отсутствует глагол-связка *быть*, структура предложения нарушается. Это странно, потому что после паузы связка появляется и стоит на своем месте, а значит, информант знаком с правилом («непростительная» ошибка).

2.7. Фактические ошибки

В пользовательском подкорпусе встретилась всего одна такая ошибка. Она обусловлена недостатком страноведческих знаний, ср.:

133) *мне *П очень(:) *В (а) нравятс... (ээ) *П нравятся(:) *В *П блины(:) и(:) *П (mmm) *П пирожки(:) *П конечно(:) *В *П п... *П плов // плов это русс... русская еда / да // мгы плов очень вкусный (И6b).*

Вероятнее всего, ошибка допущена информантом по следующей причине: *плов* – популярное и любимое в России блюдо. Его часто можно встретить в столовых, кафе и ресторанах. Конечно, жители бывшего СНГ знают, что *плов* – блюдо восточной кухни, которое в России обычно считается традиционным узбекским или кавказским, но не русским блюдом («простительная» ошибка).

2.8. Ошибки, трудно поддающиеся интерпретации и исправлению

Иногда информанты совершают ошибки, которые затрудняют понимание текста настолько, что либо можно выдвинуть несколько равнозначных версий трактовки, но так и не понять, какая из них верная, либо невозможно даже примерно понять, что имел в виду информант. В группе лексических ошибок была выделена подгруппа подобных *лексических аномалий*, которые могли бы быть отнесены и в эту группу. Однако в тех контекстах все же было понятно, что подобрана неверная лексическая единица, здесь же зачастую совсем невозможно отнести ошибку к той или иной группе.

Мы не добавляем в типологию коммуникативно значимые ошибки (КЗО), приводящие к коммуникативному сбою, и коммуникативно незначимые ошибки (КНЗО), которые мало влияют на ход коммуникации, потому что нередко отнесение ошибки к тому или иному типу субъективно и не подкреплено нормами языка, но аномалии этой группы с уверенностью можно отнести к КЗО и к разряду «непростительных» ошибок, так как они приводят к безусловной коммуникативной неудаче, ср.:

- 134) *горо... *ц мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С / и(:) (ам) *П много вещи(:) / можно делать (И5b).*

Можно предположить, что информант пытается сказать, что легко ездить *вокруг города*, то есть по пригородам, но не очень понятно, как это соотносится с размером самого города. Возможно, он подразумевает развитую инфраструктуру и доступный транспорт, но этого мы никогда не узнаем. Кроме того, остается непонятным, как квалифицировать единицу *то*. Возможно, информант начал говорить какое-то слово, но бросил его и выбрал другую единицу, а расшифровщик не расценил это как обрыв и не обозначил соответствующим образом. Так или иначе, но однозначную интерпретацию в этом случае дать практически невозможно.

- 135) *мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С / и(:) (ам) *П*

много вещи(:) / можно делать // т *П здесь / с музе(:)и *П магазины / много вкусные рестораны (И5b).

Аномалию в контексте (135) можно отнести как к особенностям устной спонтанной речи, так и к морфологическим ошибкам. Вопросы вызывает звук /с/, который может являться как повторением финального звука предшествующего слова, так и предлогом, с которым не соотносится форма слова *музеи* и который не вписывается в предложение семантически.

136) *Псков *П у Пскова есть *П много(:) *П природы / *П (м) не больше чем *П Петербург // *П (ам) мне нравится *П тельрола *В *П и(:) *П (зм) *П (м) *П мне(:) нравится *П *П Санкт-Петербург (И6b).*

В примере (136) невозможно понять, какую информацию говорящий хочет донести до слушателя с помощью грамматически правильной фразы *не больше, чем Петербург*. Может быть, он говорит о размерах города, а может, о «количестве» *природы*.

137) *мои друзья / *П они живет (ам) *П *ц со всеми им / *П трудно нас / *П (ам) *П встретиться *П на выходные / *П ш(ам) *П *ц где-то / *П дорогие / (э) (?)щепня / *П и *П когда мы всегда надо / *В (ам) ездят на ресторане / *П (?) *П (?) (эм) и тоже мне не понравилось транспорт (И7а).*

Создается ощущение, что в примере (137) пропущено важное для понимания контекста слово, но какое именно, восстановить, к сожалению, сложно.

2.9. Исправленные и не исправленные ошибки

Анализ корпусного материала показал, что информант или замечает, или не замечает допущенную ошибку. Это выражается в наличии или отсутствии хезитативных элементов (ХЭ) до и/или после ошибки. При этом замеченные ошибки говорящий может исправить, а может оставить без внимания и коррекции. Таким образом, выделяются ошибки (а) *замеченные* и *исправленные*, (б) *замеченные* и *не исправленные*, а также (в) *незамеченные* (и потому *не исправленные*) (Сапунова 2009а; Звуковой корпус... 2013: 185-186). Эта классификация была создана Е. М. Сапуновой на материале

монологов, записанных по речевому сценарию *чтение*, но может быть применена и к монологу-рассказу (см. также: Хан 2013; Чэн Чэнь 2018).

Рассмотрим примеры.

138) *долларов / да // *П и(:) *П (а) *П и(:) *П хотя / мой / *П (э) / моя / *П (а) / пор... / порция / *П *В и(:) .моя (а-а) / *П моей подруги (И2b).*

В контексте (138) можно найти как замеченные и исправленные, так и замеченные и неисправленные ошибки. Например, информант понял, что ошибся в выборе формы местоимения (*мой – моя, моя – моей*), и сразу (в режиме онлайн) это исправил: можно заметить, что говорящий сомневается (довольная длинная хезитативная цепочка²¹), сначала выбирает форму неправильно, обдумывает свое решение, осознает, что допустил ошибку, и исправляет ее.

Замеченная и неисправленная ошибка представлена неправильным выбором лексемы *порция* в данном контексте. После ошибки следует ХЦ, состоящая из трех элементов (**П *В и(:)*). Этот пример хорошо показывает, почему именно этот тип ошибки считается самым спорным: мы не можем с уверенностью утверждать, относится ли ХЦ к обдумыванию уже сделанной ошибки или к попытке выбрать правильную форму местоимения. Представляется, что в данном случае эти функции совмещаются. Рассмотрим еще один пример подобной ошибки:

139) *мне очень нравится (ээ) *П еда(:) в Рос... (э) в Санкт-Петербурге / (ам) очень *П очень лучше *В чем в Америке (И5b).*

В контексте (139) представлен менее спорный случай этого типа ошибки: повтор, пауза и вздох (*очень *П очень лучше *В*) говорят о том, что информант сомневается в правильности выбора единицы как до, так и после допущенной ошибки, однако он ее не исправляет – либо не знает, как сказать правильно, либо решает, что его и так поймут.

140) *да *П у(:) неё / *П великая комната / и / у меня () маленькая комната (И6b).*

---

²¹ Подробнее о хезитативных цепочках в устной спонтанной речи см.: Бабчук 2019.

В примере (140) после допущенной лексической ошибки информант не делает паузу, чтобы подумать, правильно ли он выбрал слово, а значит, ошибку он не заметил, и, соответственно, не исправил.

Есть еще одно интересное ответвление в типологии исправленных ошибок: ошибка говорящего, исправленная собеседником. Подобные исправления являются частью концепции построения дискурса *backchannel* (см. п. 1.3.1 настоящего исследования). Обратимся к примеру:

141) [хорошо / вы сказали что вам не нравится жить в общежитии / а в Америке вы жили в общежитии] да / *П но(:) *П та(:)м нет *П (аам) *П незнакомых *П [да? / нет? /] ыгы / или(:) *П травм // *П [а / насекомых] да / насекомых нет там // *В (э) здесь *П есть много // *В *С *П да (И6б).

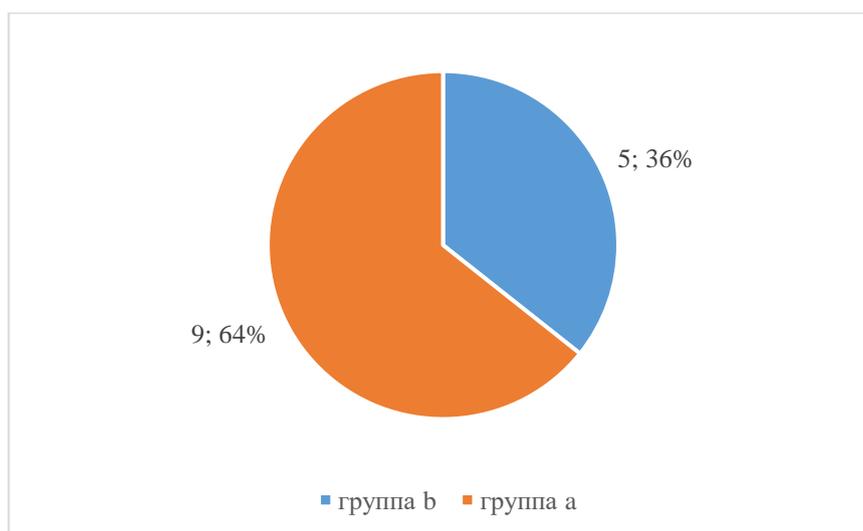
Выше (п. 2.5) этот пример уже был разобран, и он наглядно иллюстрирует, почему экспериментатор позволяет себе вмешаться в монолог информанта: без его помощи говорящий, возможно, не смог бы продолжить свою мысль, донести ее так, как ему хотелось.

2.10. Количественные данные

В настоящем разделе работы собраны все количественные данные созданной типологии ошибок в русской речи информантов-американцев.

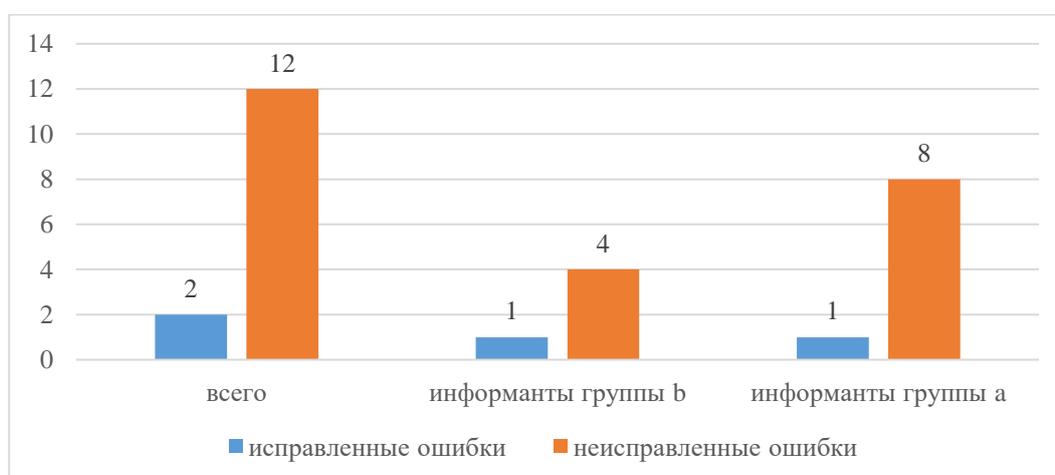
2.10.1. Количественные данные (фонетические ошибки)

На рис. 2 представлено распределение фонетических ошибок в материале пользовательского подкорпуса. Всего информанты сделали 14 таких ошибок, причем бóльшую часть из них (64 %) совершили информанты средне-продвинутой группы. Вероятно, это произошло потому, что информанты с более низким уровнем владения русским языком сильнее контролируют свою речь, стараются избегать ошибок, темп их речи медленнее, а информанты средне-продвинутого уровня говорят быстрее, больше думают о содержании своей речи, а значит, слабее ее контролируют.

Рис. 2. Распределение фонетических ошибок по уровням владения русским языком

На рис. 3. представлено соотношение исправленных и неисправленных ошибок. Видно, что фонетические ошибки у информантов обеих групп практически всегда остаются неисправленными: как в группе b, так и в группе a было исправлено всего по одной такой ошибке.

Рис. 3. Распределение исправленных и неисправленных фонетических ошибок

2.10.2. Количественные данные (лексические ошибки)

Всего информанты совершили 30 лексических ошибок. Из них 20 – в группы b и 10 – в группе a, т. е. две трети ошибок допустили информанты с базовым уровнем владения РЯ.

Распределение всех лексических ошибок по группам представлено на рис. 4. Диаграмма показывает, что самой большой трудностью для

студентов-иностранцев является запоминание значений и оттенков значений слов (47 % лексических ошибок).

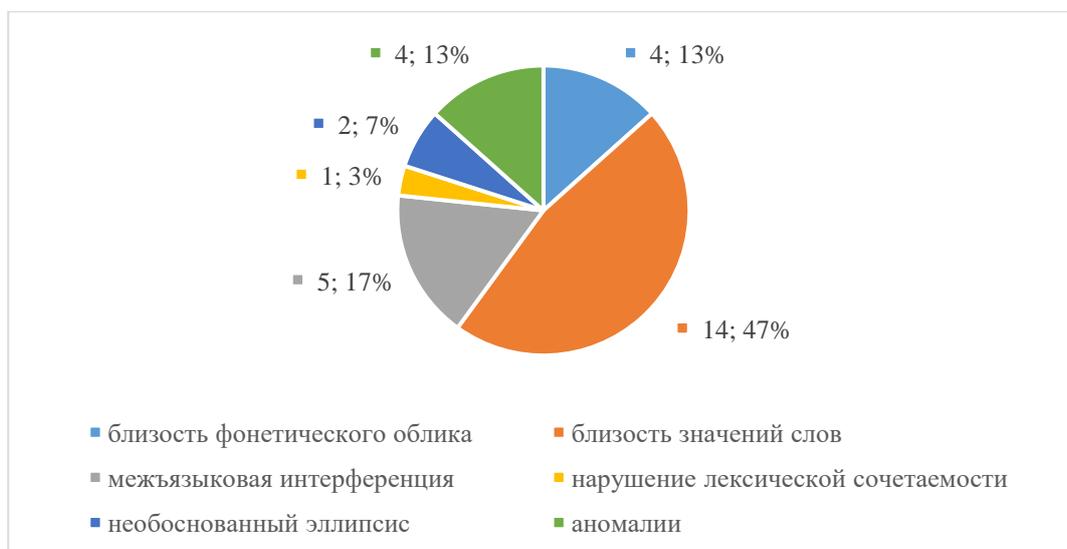

Рис. 4. Распределение всех лексических ошибок по подгруппам

То, как распределились лексические ошибки внутри каждого уровня, можно увидеть на рис. 5. Интересно, что у информантов группы а отсутствуют ошибки из-за необоснованного эллипсиса и нарушение лексической сочетаемости.

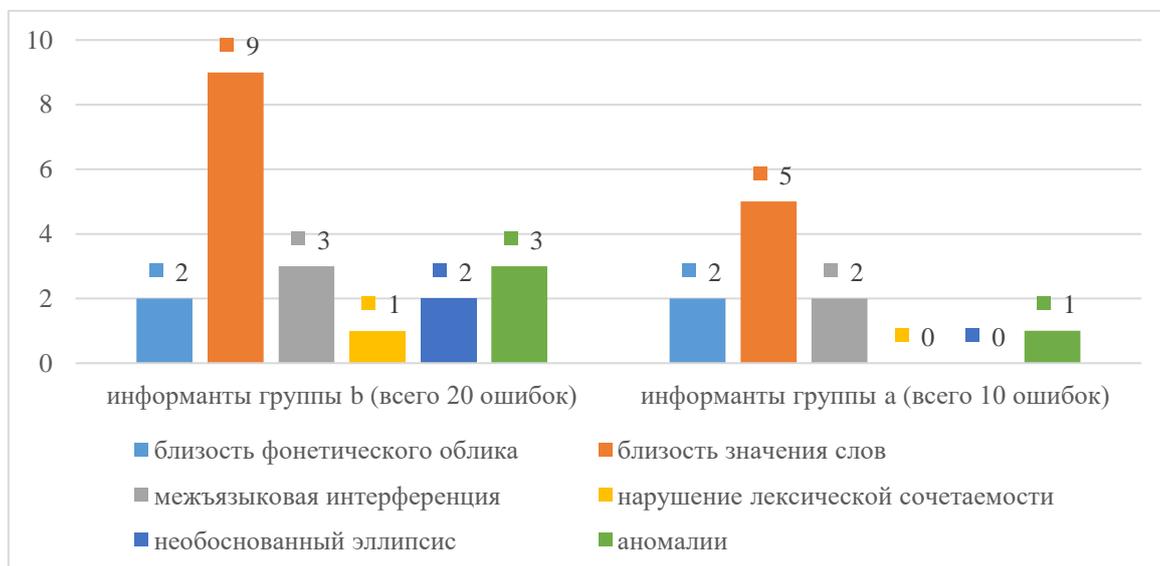

Рис. 5. Распределение лексических ошибок внутри групп информантов

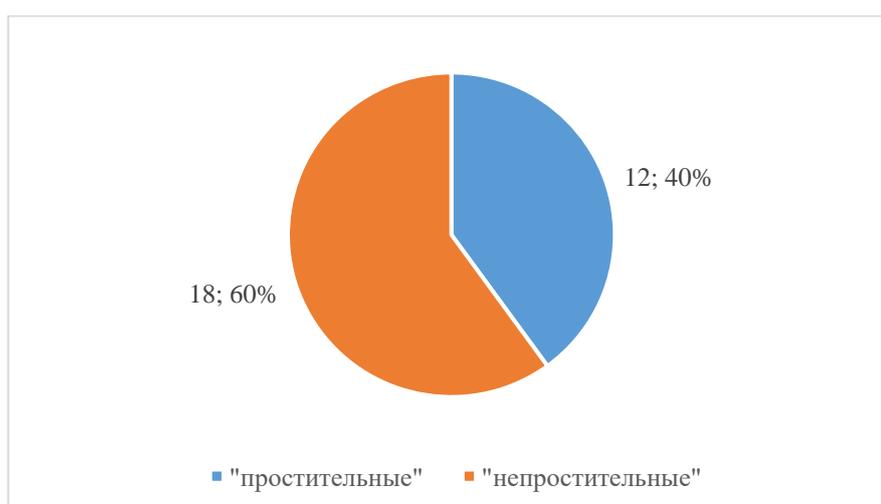
Обратимся к классификации исправленных и неисправленных лексических ошибок: см. рис. 6.

Рис. 6. Распределение исправленных и неисправленных лексических ошибок

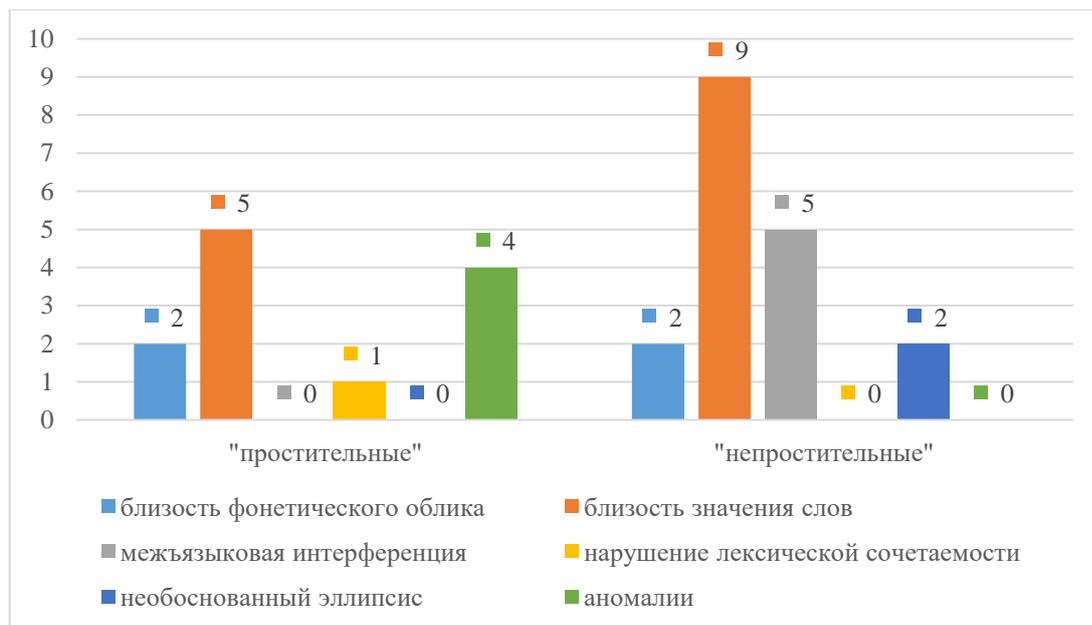
На рис. 6 видно, что лексические ошибки почти всегда (97 %) остаются неисправленными: только одна ошибка была говорящим скорректирована. Это сделал информант из группы b: с помощью экспериментатора студентка исправила ошибку, допущенную из-за близости фонетического облика слов – см. выше пример (15).

Распределение «простительных» и «непростительных» лексических ошибок представлено на рис. 7. В группе b 9 «простительных» ошибок, в группе a – 3. «Непростительных» ошибок в группе b оказалось 11, в группе a – 7. Таким образом, 60 % ошибок в целом попали в группу «непростительных», а 40 % – в группу «простительных».

Рис. 7. Распределение «простительных» и «непростительных» лексических ошибок

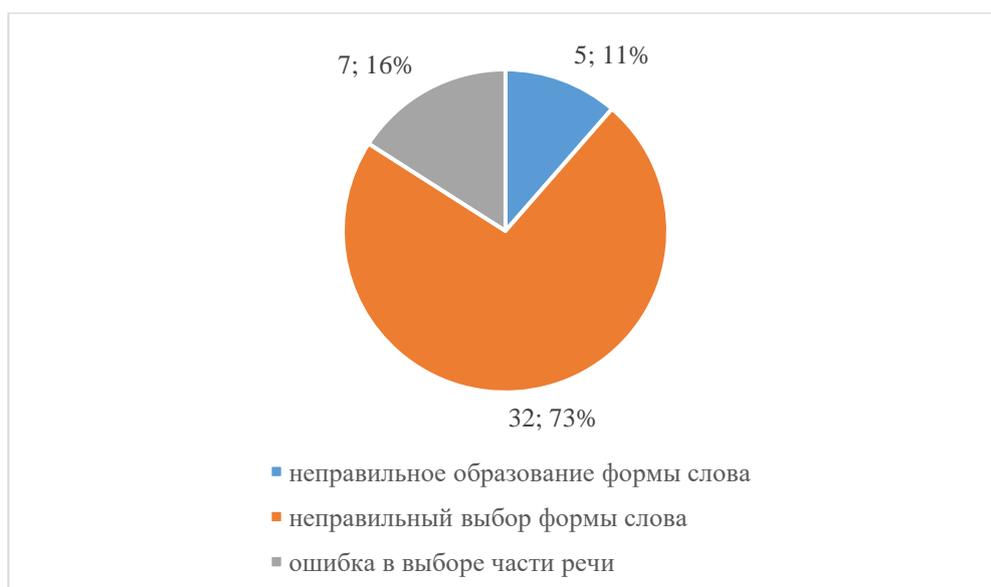
На рис. 8 видим распределение «простительных» и «непростительных» ошибок внутри подгрупп лексических ошибок. Все ошибки, допущенные из-за межъязыковой интерференции или из-за необоснованного эллипсиса, попали в группу «непростительных»; все ошибки, допущенные из-за нарушения лексической сочетаемости, и все лексические аномалии попали в группу «простительных». Большинство ошибок, допущенных из-за близости значений слов, попали в группу «непростительных».

Рис. 8. Распределение «простительных» и «непростительных» ошибок внутри подгрупп лексических ошибок

2.10.3. Количественные данные (морфологические ошибки)

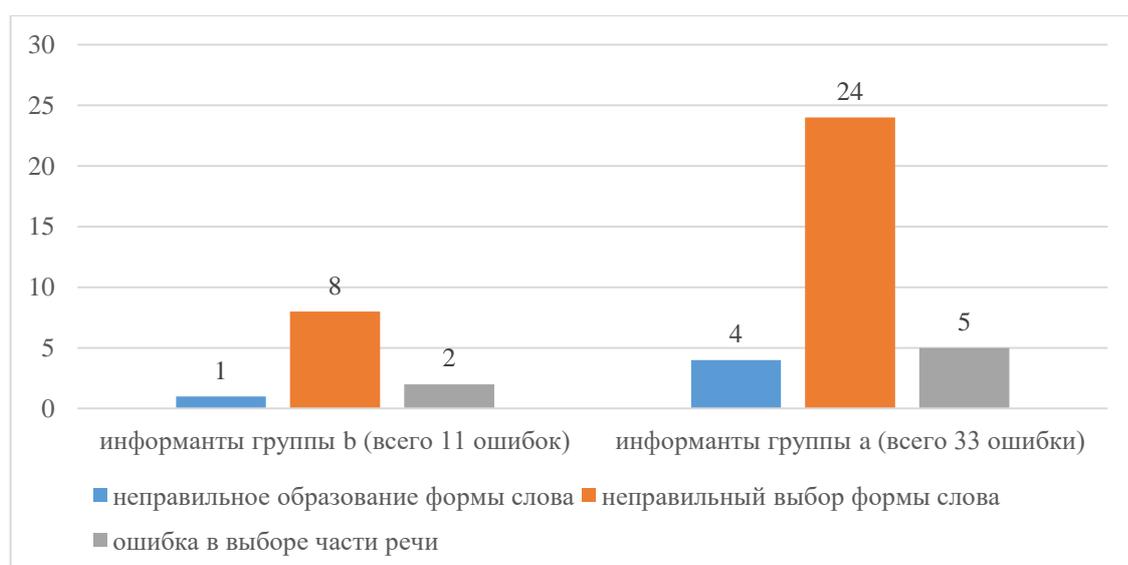
Инофоны-американцы в своих монологах допустили 44 морфологических ошибки: 11 – в группе б и 33 – в группе а. То есть 25 % ошибок получено от информантов с базовым уровнем владения РЯ, а 75 % – от информантов со средне-продвинутым уровнем. Обратимся к распределению морфологических ошибок по подгруппам (см. рис. 9).

Рис. 9. Распределение морфологических ошибок по подгруппам

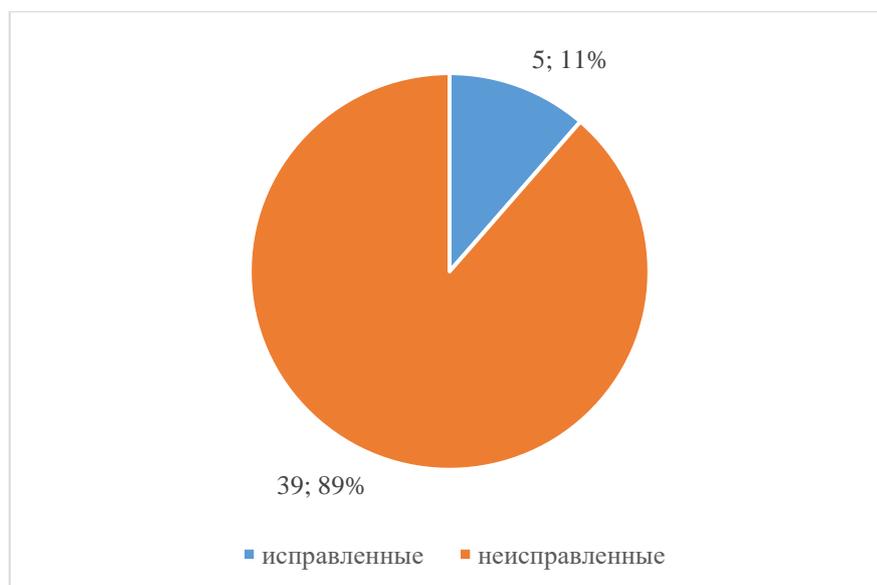
Большинство морфологических ошибок попало в группу «Неправильный выбор формы слова», причем из 32 ошибок 22 – неправильный выбор формы глагола, а 10 – неправильный выбор формы существительных и местоимений. То есть ошибки, связанные с глаголом, информанты допускают в два раза чаще.

Посмотрим на распределение ошибок по подгруппам внутри групп информантов (см. рис. 10). Интересно, что доля ошибок, сделанных из-за неправильного выбора формы слова, в обеих группах одинакова – 72,7 %, т. е. это одинаково сложный раздел грамматики для всех иностранцев.

Рис. 10. Распределение морфологических ошибок внутри групп информантов

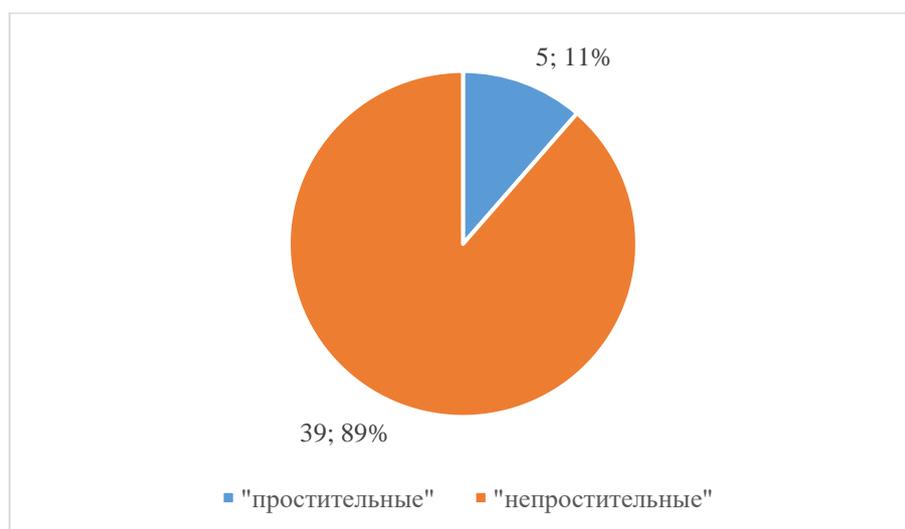
На рис. 11 представлена классификация исправленных и неисправленных морфологических ошибок.

Рис. 11. Распределение исправленных и неисправленных морфологических ошибок

Как видим, морфологические ошибки тоже обычно остаются неисправленными: из 44 ошибок было исправлено только 5 (11 %): 2 ошибки, допущенные в образовании формы слова (обе исправлены информантом группы а), и 3 ошибки в выборе формы слова (две исправлены информантами группы в и одна – информантом группы а). Когда информанты выбирали слова неправильных частей речи, они не исправляли свои ошибки.

Рис. 12 демонстрирует то, как распределились в группе морфологических «простительные» и «непростительные» ошибки. Интересно, что в количественном соотношении эта группа ошибок разделилась так же, как и группа исправленных/неисправленных ошибок. «Простительные» ошибки находим в подгруппах ошибок «Неправильный выбор формы слова» (4 ошибки: по 2 на каждую группу информантов) и «Неправильный выбор части речи» (1 ошибка в группе а).

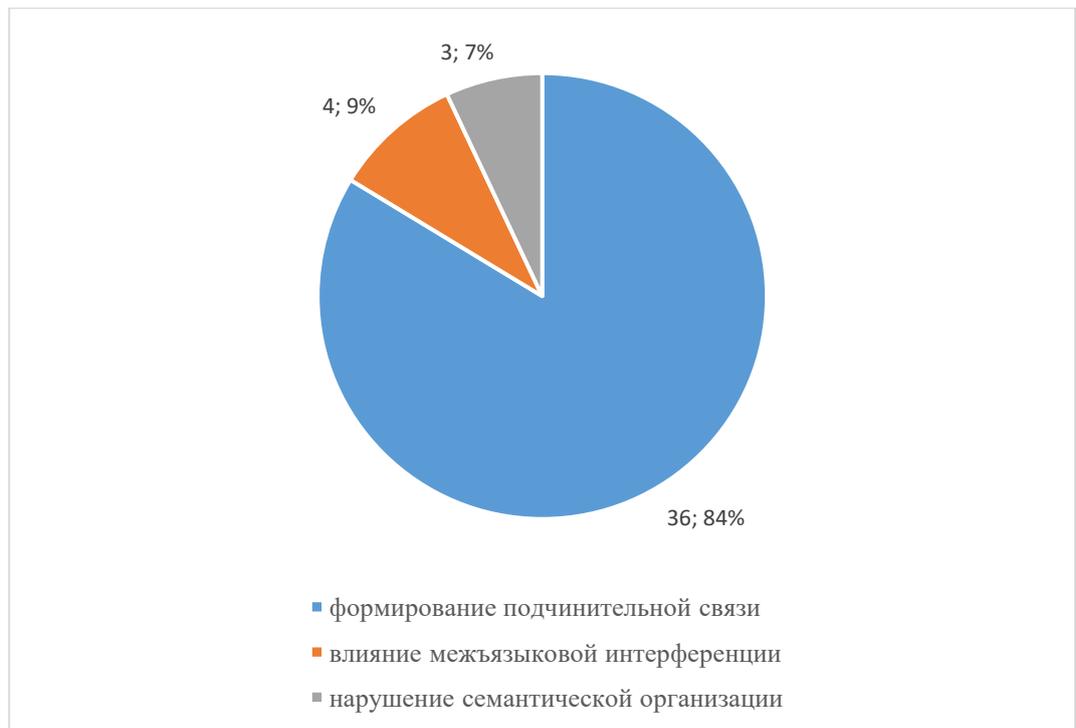
Рис. 12. Распределение «простительных» и «непростительных» ошибок в группе морфологических

2.10.4. Количественные данные (синтаксические ошибки)

Всего информанты допустили в своих монологах 43 синтаксических ошибки: 21 ошибку сделали информанты группы б, 22 ошибки – информанты группы а.

Рис. 13 показывает, что основную трудность представляет формирование подчинительной связи (84 %) разных видов. Самыми сложными видами подчинительной связи являются управление (47 %) и согласование (28 %) (см. рис. 14). Причем как согласование, так и управление представляют бóльшую трудность для информантов с базовым уровнем владения РЯ, чем для информантов со средне-продвинутым уровнем владения РЯ (см. рис. 15). Учитывая, что общее количество слов в монологах у информантов группы б меньше, можно сказать, что им намного труднее формировать подчинительные связи.

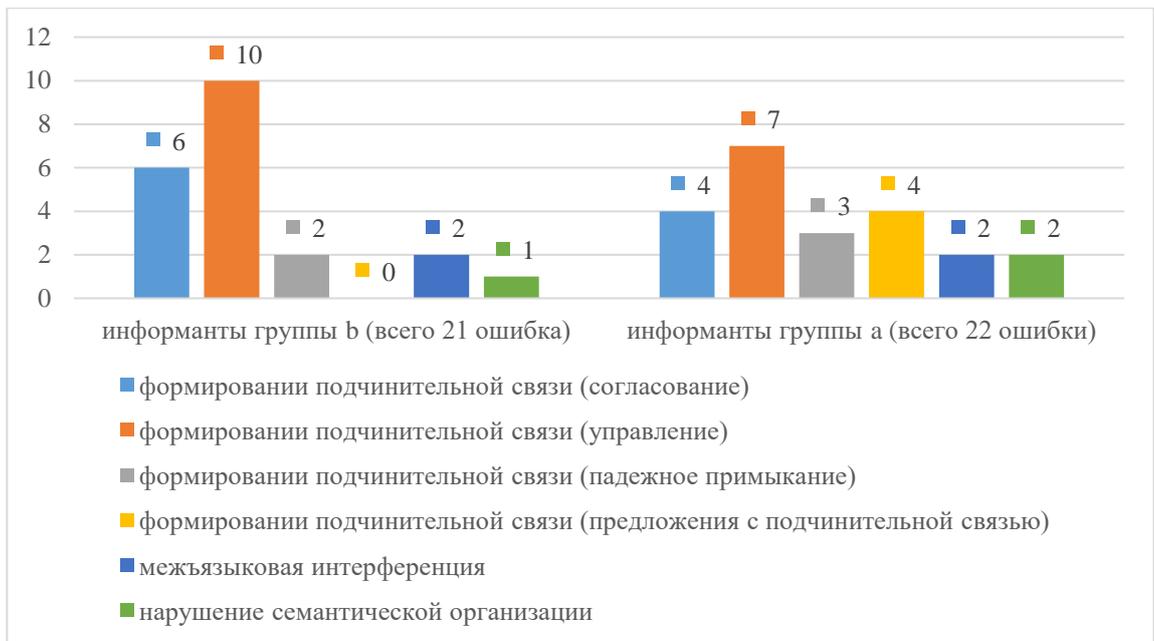
У информантов группы б полностью отсутствуют ошибки в сложных предложениях с подчинительной связью. Это объясняется тем, что они используют мало подобных синтаксических конструкций, в то время как информанты группы а достаточно хорошо умеют ими пользоваться (всего 4 ошибки).

Рис. 13. Распределение синтаксических ошибок по подгруппам

Рис. 14. Распределение синтаксических ошибок из группы «Ошибки в формировании подчинительной связи»

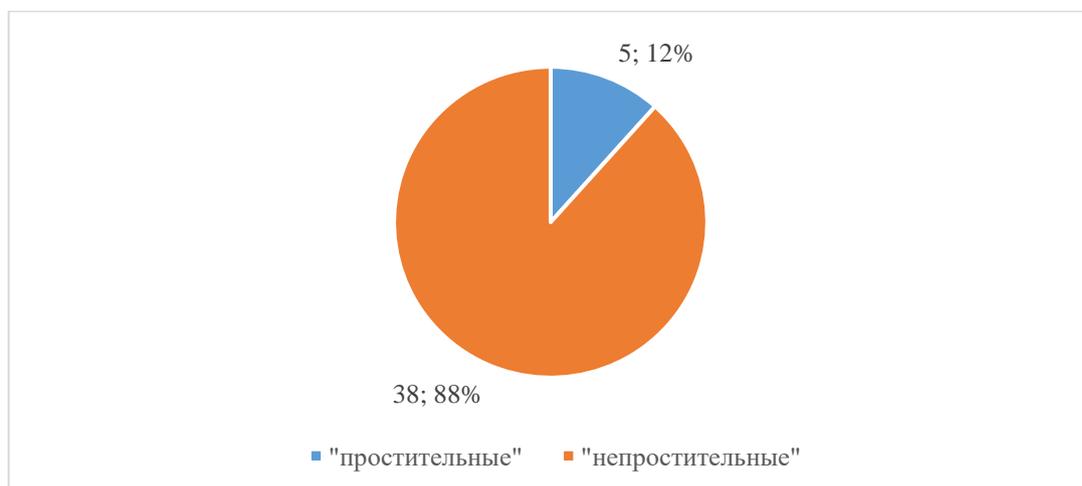
Рис. 15. Распределение синтаксических ошибок внутри групп информантов

Удивительно, но соотношение исправленных/неисправленных и «простительных»/«непростительных» ошибок в группе синтаксических ошибок очень похоже на картину в группе морфологических ошибок: 12 % исправленных и «простительных» ошибок и по 88 % неисправленных и «непростительных» ошибок (см. рис. 16-17). Это значит, что обе составляющие грамматики, морфология и синтаксис, одинаково трудны для инофонов.

Рис. 16. Распределение исправленных и неисправленных синтаксических ошибок

Пять исправленных ошибок находятся в подгруппах «Ошибки в построении *согласования*» и «Ошибки в построении *управления*». В первой подгруппе находим 3 исправленных ошибки: две исправлены информантами группы b, одна – информантом группы a. Во второй подгруппе две исправленных ошибки, по одной на информантов из каждой группы.

Рис. 17. Распределение «простительных» и «непростительных» ошибок в группе синтаксических

«Простительные» ошибки есть в следующих подгруппах: «Ошибки в построении *управления*» (3 ошибки, все в группе b), «Ошибки в построении сложных предложений с подчинительной связью» (1 ошибка, группа a) и «Ошибки в построении предложения, вызванные межъязыковой интерференцией» (1 ошибка, группа b).

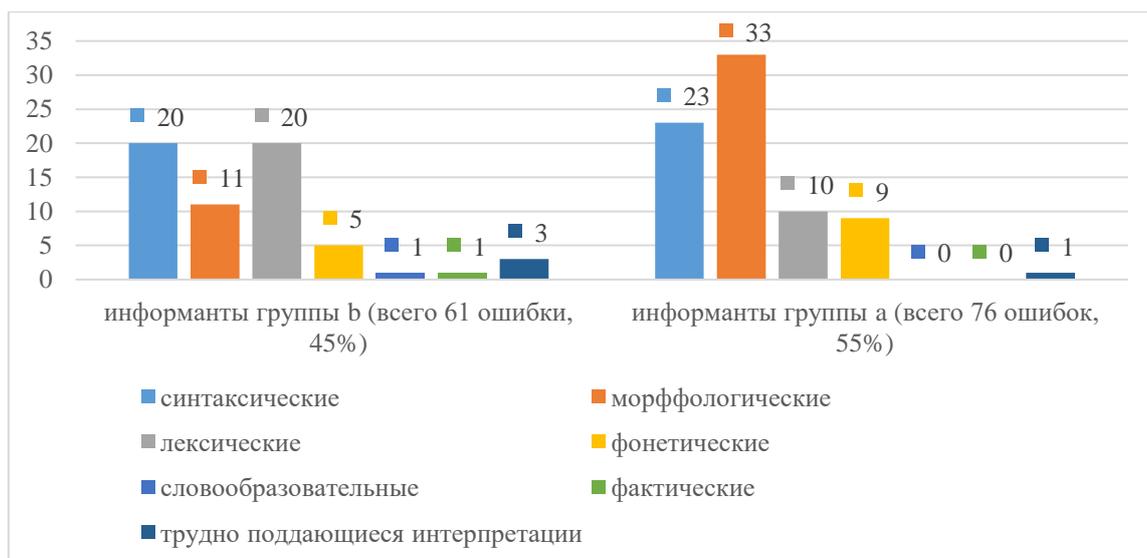
2.10.5. Общие количественные данные (все типы ошибок)

Всего информанты допустили 137 ошибок. Больше всего в материале исследования, что вполне ожидаемо, оказалось грамматических ошибок: всего было проанализировано 44 морфологических и 43 синтаксических ошибки, вместе они составляют 63 % (см. рис. 18). На втором месте по распространенности лексические ошибки, 67 % из которых сделали информанты группы b. Меньше всего словообразовательных и фактических ошибок: по одному нарушению в каждой из этих групп, обе ошибки допущены информантами с базовым уровнем владения РЯ.

Рис. 18. Распределение всех ошибок по группам

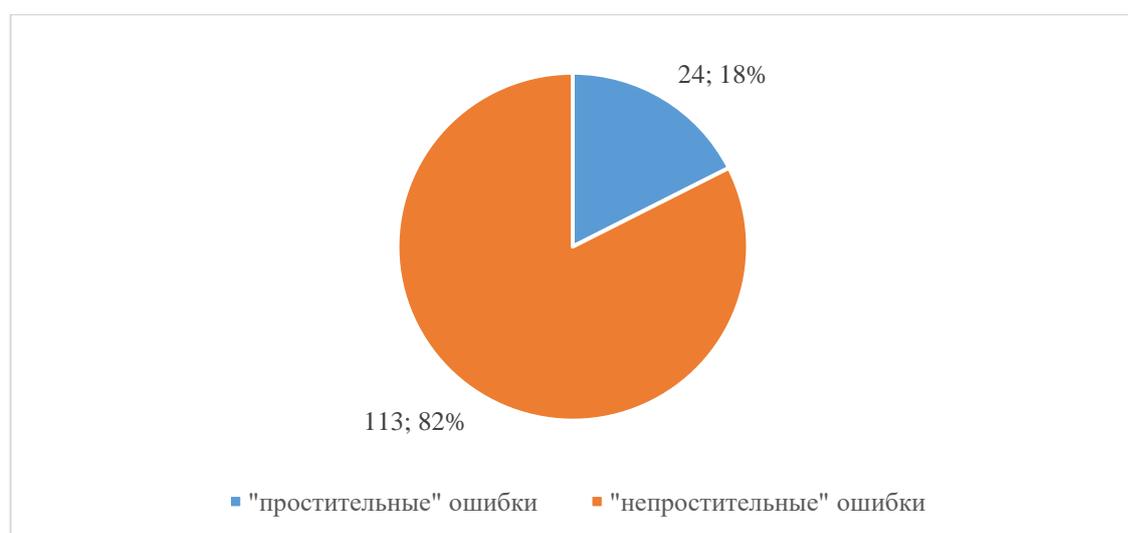
На рис. 19 видим, что у информантов группы б больше всего трудностей возникает с синтаксисом и лексикой, морфология занимает лишь третье место, а у информантов группы а затруднения вызывают прежде всего морфология и синтаксис, скорее всего, потому, что они используют более сложные грамматические конструкции. Это говорит о том, на какие области стоит обращать больше внимание при обучении иностранцев (в первую очередь, англоговорящих) русскому языку.

Рис. 19. Распределение всех ошибок внутри групп информантов

Рис. 20. Распределение исправленных и неисправленных ошибок

Рис. 21. Распределение «простительных» и «непростительных» ошибок

На рис. 20-21 представлено распределение исправленных/неисправленных и «простительных» / «непростительных» ошибок.

Из 13 исправленных ошибок 7 принадлежат информантам группы б, а 6 – информантам группы а. Учитывая, что общий объем монологов информантов первой группы меньше, можно с уверенностью сказать, что информанты с более низким уровнем владения РЯ исправляют ошибки чаще. Происходит это, как мы уже говорили, из-за повышенного самоконтроля. Этим же информантам принадлежит большинство «простительных» ошибок: 17 против 7 ошибок информантов группы а. Это также ожидаемые

результаты: инофоны с базовым уровнем владения языком знают меньше, а потому им можно простить большее количество ошибок.

Неисправленные и «непростительные» ошибки распределились по уровням примерно в равных пропорциях: в группе б 55 неисправленных ошибок и 46 «непростительных», а в группе а – 69 неисправленных ошибок и 67 «непростительных».

Обратимся к соотношению ошибок к общему объему монологов. Всего в восьми монологах насчитывается 1873 слова и 137 ошибки. Это значит, что на каждые 13,6 слов приходится одна ошибка. Но интереснее посмотреть на распределение ошибок внутри каждой из групп.

Объем монологов информантов группы б – 648 слов, общее количество ошибок – 61, а значит на 10,6 слов приходится одна ошибка. В группе а общий объем монологов составляет 1225 слов, а ошибок – 76, т. е. на каждые 16,1 слов приходится одна ошибка. Таким образом, получаем, что информанты группы б совершают ошибки в чаще, чем информанты группы а, и можно сделать вывод о том, что с повышением уровня владения языком количество ошибок сокращается. Если в группе б на 100 слов приходится 9,4 ошибки, то в группе а на 100 слов приходится 6,2 ошибки.

2.11. *Онлайн и офлайн коррекция*

Исправлять сделанную ошибку (если он ее, конечно, исправляет) говорящий может сразу или через какое-то время. Вслед за А. А. Кибриком и В. И. Подлесской (см.: *Кибрик А. А. Подлесская 2005; Подлесская, Кибрик А. А. 2007*) мы будем использовать термины *онлайн-коррекция* и *оффлайн-коррекция*. Стоит отметить, что в работах А. А. Кибрика и В. И. Подлесской эти термины использовались в значениях ‘близко, сразу’ и ‘далеко, не сразу’. Однако за последние годы (в связи с пандемией) значение этих слов поменялось: теперь *онлайн* значит ‘дистанционно, далеко’, а *оффлайн* – ‘в реальной жизни, близко’. Возможно, стоит ввести термины с более подходящей семантикой, такие как, например, *мгновенная* и *отложенная* коррекция или *контактная* и *дистантная* коррекция. Но пока

мы пойдем вслед за упомянутыми авторами и будем использовать принятые ими термины.

Итак, *онлайн-коррекция* – это стратегия, предполагающая, что говорящий исправляет ошибку, как только ее совершил (и заметил это). Об офлайн-коррекции можно говорить в случае, когда «исправление ошибки откладывается до завершения текущего речевого отрезка» (Подлесская 2014: 529). Рассмотрим примеры онлайн коррекции:

142) *мне понравился(:) *П *ц гулять *П по городу (хг) *П и *П мне(:) *П понравилась еду... еда / *П русская еда (И6b);*

143) *обе оба мне нравятся но(:) / и то и другое²² мне нравится / но Мо... Москва / *В (э-э) / *П большой / и там больше(:) / истории (И3а).*

Примеры (142) и (143) иллюстрируют стратегию онлайн-коррекции: ошибки исправляются говорящим сразу же, как сделаны и замечены.

Интересно, что в пользовательском подкорпусе не встретилось примеров офлайн-коррекции: информанты либо исправляют ошибку сразу (т. е. придерживаются стратегии онлайн-коррекции), либо не исправляют ее вовсе. Возможно, это обусловлено тем, что запись производилась в условиях экзамена, и потому информанты больше контролировали свою речь: когда допускались ошибки и информант понимал это, он старался сразу их исправить. Можно предположить также, что в ходе речевой деятельности на неродном языке оперативная память говорящего гораздо короче, чем в речи на родном языке: он попросту не способен долго помнить о сделанной и замеченной ошибке. Ср. примеры офлайн-коррекции в речи русских на родном языке:

- *ты что / с ума сошла? <...> что ты / с ума сошла? (САТ, чтение);*
- *кто не почитывает их извергами<...> не почитает их извергами человеческого рода (САТ, чтение);*

---

²² В примере (143) видим хороший пример того, как говорящий ищет правильную форму. *Москва* – слово ж. р., *Петербург* – слово м. р., поэтому говорящий перебирает: *оба, обе*. В конце концов останавливается на нейтральном *и то и другое*. Перед нами прекрасный пример «контроля качества речи» со стороны говорящего, хотя в результате ср. р. оказался не подходящим ни к *Москве*, ни к *Петербургу*.

- по берегам зелёный лопух схваченный водою / тянулся из неё / тревожно размахивая **не пошатнувшими** ещё верхушками // **не потонувшими** ещё верхушками (САТ, чтение);
- с **нашей** кто-то / с **нашего** учёного совета могут кто-то сделать // # вы знаете что ? да возьмите вы вот такую вот (эту самую) хорошую какую-нибудь / (...) замазочку (ОРД);
- и тогда все решили позвать Лёньку / сына деревенского **помощника** который сла... / э-э **сапожника** который славился своим бесстрашием и наверное э э возможностью доставать котлов из разных таких убежищ (САТ; пересказ сюж.);
- слушай Питер ты очень плохо выглядишь тучный гла... / в гла... / **взора нету** в глазах блеска никакого // тебе надо отдохнуть (САТ, описание сюж.);
- здесь его вроде бы **не...** [видно] небо мы совсем **не видим** (САТ, описание несюж.).

Справедливости ради надо сказать, что и в речи носителей языка примеров оффлайн-коррекции оказалось не слишком много, и совсем не удалось их найти в монологах-рассказах.

2.12. «Окружение» ошибок

Практически всегда ошибки в устных спонтанных монологах окружены хезитативными элементами. Это не удивительно: ошибка возникает там, где появляются трудности, а там, где появляются трудности (речевой сбой), возникают и ХЭ.

В «окружении» ошибочной формы может находиться как единичный хезитативный элемент, так и целая хезитативная цепочка. Обычно ошибка окружена ХЭ с обеих сторон:

- 144) *еда(:) в Рос... (э) в Санкт-Петербурге / (ам) очень *П очень лучше *В чем в Америке / (эм) *П здесь еда(:) *П (э) *П **натуральный** / *П (а) и *П очень вкусно (И5b).*

В контексте (144) перед ошибочным словом *натуральный* можно видеть ХЦ из четырех элементов (растяжка конечного звука в слове *еда*, пауза, неречевой звук и еще одна пауза: *еда(:) *П (э) *П*), затем говорящий неправильно согласует прилагательное с существительным (*еда(:) **натуральный***), немного сомневается в своем выборе (ХЦ из двух ХЭ – пауза

и неречевой звук: *П (а) и заканчивает фразу. Ошибка остается неисправленной.

Обратимся к следующему примеру – контексту (145).

145) *квартиры находятся(:) / *П **очень** / **близко(:)** / *П (э-э) / **Невского проспекта** // *П (э) / **около Невского проспекта** / и(:) / *П (э-э) *П **около метро** / *П «Маяковская» (И2b).*

Информант начинает думать о том, как правильно построить фразу, еще со слова *находятся* – он растягивает последний звук слова и делает паузу. Решает выбрать конструкцию *очень близко от + Род. п.*, но «теряет» предлог. Причем в середине конструкции говорящий понимает, что что-то идет не так, после окончания фразы делает еще одну долгую паузу – и выбирает конструкцию, в которой он больше уверен (подробнее см. пример (102)). Стоит отметить, что перед тем, как сказать *около метро «Маяковская»*, информант продолжает думать о том, правильно ли он исправил себя и можно ли использованную формулу *около + Род. п.* повторить.

Неисправленные ошибки также часто окружают ХЭ и ХЦ, ср.:

146) *я думаю что(:) трудно / (э-эм) *В **использовать** интернетом здесь (И1b);*

147) *мне не очень **понравилось** / *П что(:) (э-эм) / *П конечно моя фамилия не здесь (И1b);*

148) *мне *П **очень(:)** *В (а) **нравитс...** (ээ) *П **нравится(:)** *В *П **блины(:)** (И6b).*

Характерной чертой монологической речи на неродном языке являются хезитации внутри слова:

149) *В да / я(:) / *П **пере(:)**... *П (э-э) / ...**еду** // (м) **перееду** (И2b);*

150) *шесть... / **шес(:)тьсот** долларов (И2b);*

151) *не(:) много вещи **которы(:)е** *П **которы(:)е** *П мне не *П **нравятся** долларов (И5b);*

152) ***бы(:)л** была в **Танжи(:)н** (И5b).*

Это явление свидетельствует о том, что информанты продолжают оценивать свою речь на правильность даже во время произнесения слова, чтобы, если они поймут, что совершили ошибку, сразу ее исправить²³.

2.13. Приметы спонтанной речи

В задачи настоящего исследования не входит подробное описание примет спонтанной речи в монологах инфонов, однако в подкорпусе встретилось много интересных примеров и особенностей, на которых мы хотим чуть подробнее остановиться.

Конечно, на обоих уровнях владения русским языком встречаются паузы (*П), неречевые звуки (э-э, а-ам, эм и др.), хезитационные растяжки (*бы(:)л, которы(:)е, и(:)* и др.), обрывы (*в квар..., мне понра(:)...* и др.), повторы, (**П здесь *П (э) здесь*), вздохи (*В) и смех (*С). Эти приметы спонтанности характерны для речи на любом языке, у информантов с разным уровнем владения языком или, если мы говорим о родном языке, с разным уровнем речевой компетенции²⁴, мы видим их в каждом контексте. Они являются, прежде всего, показателем того, что перед нами спонтанная речь, и говорящему приходится обдумывать ее на ходу. Подробно останавливаться на этих проявлениях спонтанности мы не будем и посмотрим на более интересные и актуальные для темы настоящей работы контексты. Сначала обратимся к особенности, присущей информантам обоих уровней:

153) *В (а-ам) *П *Ш я также думаю что(:) / *В (\?gэ-э) *П Санкт-Петербург / *П очень очень очень красивый город (И1b).*

154) *мне очень нравятся* / *В здания / *Ш здесь // и(:) / \?g архитектура вообще // *В (э-эм) *Ш и(:) *П я думаю что(:) / (\?g э-э) *В еда конечно / *В в России / очень вкусный (И1b).*

155) *В (а-а) *П и(:) / я думаю что(:) / *В люди / *П в России / (эм) *В обычно очень / (?) очень симпатичные (И1b).*

156) *моя фамилия не здесь // (э-эм) *В это(:) *П (а-ам) *В (а) для меня / *П (э-э) *П чуть-чуть грустно // *В и(:) / *П (а-ам) *П я думаю что(:) трудно / (э-эм) *В использовать интернетом здесь (И1b).*

²³ Ср. подобные наблюдения над русской речью китайцев: Чэн Чэнь 2018.

²⁴ Подробнее об уровне речевой компетенции см.: Богданова 2010; Звуковой корпус... 2013.

- 157) *мне понра(:)... (м-м) *П мне(;) / нравится / *П всё в России // *П (ам) *П я думаю / (эм) / *П (м-м-м) *П иногда(;) / *П дни очень короткие (И2b).*
- 158) *поэтому / *П когда я сюда приехала / и(;) / *П (э) / *П я думаю что(;) / самые / *П нежизненный *П / (э) нежизненный вещь / (э-э) / *П была(;) / *П (а-ам) / *П (хм) / как // *П (э) / было влияние советского / *П (э) / советского времени (И3а).*
- 159) *это мне / очень не нравится // *П (а-а) / *П но(;) / очень многое нравится // *П в конце концов / моя(;) / я думаю / что / *П мне очень повезло(;) / *П (а-ам) / с семьёй (И3а).*
- 160) *мне очень понравилось / люди (э) / с которыми я встретилась в Петербурге // (э) я думаю что / незнакомые кновелдзе (knowledge?) *В иногда грубые и неприятные / но (э) *ц когда *П я (ам) *П *ц больше знают кто-то / (эм) они всегда приятные и добрые (И7а).*
- 161) *мне очень понравится / (э) понравилось / *В (эм) П *ц центр города / и Невский проспект / и думаю че... очень / (ам) *В замечательно / *П *ц часть города (И7а).*
- 162) *мой прадас зависит от солнца // *В но (ам) я думаю / *П *ц не так холодно / как я думала (И7а).*

Еще на ранних этапах исследования была замечена интересная особенность: обилие конструкции *я думаю, что*. Сначала казалось, что это нормальная конструкция для выражения мнения, но она зачастую используется не вполне уместно или слишком часто. В процессе анализа стало понятно, что это особенность русской речи американских информантов: она встретилась у двух информантов группы b, и двух информантов группы а, то есть у половины информантов.

Подобный хезитатив присутствует как в русском, так и в английском языке (*I think...*), а значит, является общим для двух языков и очень понятным для носителей, поэтому они активно его используют. Конечно, для подтверждения теории необходим более объемный материал, но мы не могли не отметить эту особенность.

Перейдем к более подробному рассмотрению каждого из уровней.

В монологах информантов базового уровня находим мало интересных примет спонтанной речи. В речи информанта И1b видим довольно странный эллипсис:

163) *мне(:) / очень нравится / *В (а) во-первых/ (\?гам) погода () в России // *В (ам) *В я () всегда / *В (а-ам) *Н любила () снег /и(:) / *В здесь / очень много // *В (а-ам) *П *Ш я также думаю что(:) / *В (\?гэ-э) *П Санкт-Петербург / *П очень очень очень красивый город (И1b).*

Перед нами пример экономии усилий, опущено местоимение в форме Род. п. *его*. Эллипсис встретился также, например, в примерах (107), (124), а в разделе «Лексические ошибки» для подобных ошибок выделена отдельная категория.

Обратимся к следующему контексту:

164) [*и какой город вам понравился больше?*] **П я не зна(:)ю / *В больше не знаю / *П мне очень(:) *П понравилось(:) *П в Санкт-Петербурге / и(:) *П Псков (И6b).*

Интересно, что несогласованные дополнения, при соблюдении паузы при прочтении, не вызывают ощущения ошибки. Они относятся к разным главным словам: *Санкт-Петербург* – к глаголу *понравилось (в)*, а *Псков* – к глаголу *понравился* из вопроса экспериментатора, однако в письменной речи это, несомненно, считалось бы ошибкой. В устной речи подобный строй предложения кажется достаточно естественным и является результатом спонтанности.

На этом интересные контексты из монологов базового уровня заканчиваются. Перейдем к монологам средне-продвинутого уровня. Здесь удалось выявить несколько примечательных особенностей.

Во-первых, у каждого информанта есть «свои» излюбленные словечки: у информанта И3а это слово *тоже*:

165) *они очень / хорошие люди // *П (и) / (а-ам) / (и-и) / *П **тоже** мне повезло / потому что / *П (а-ам) / *П эта программа позво... по... *П позволяет меня / (а-а) / читать литературу (И3а);*

166) *мы съездили во Псков / и в Москву // и **тоже** / *П (э-э) / мы с подругой / () вчера / *С съездили в Новгород (И3а);*

167) *вчера / *С съездили в Новгород // *С / очень быстро // *С *П да / (а-а) // *П поездки тоже мне (И3а).*

В речи информанта И4а много употреблений частицы *во* с растяжкой звука внутри слова (168)-(170) и частицы *ну* (171)-(172):

168) *я все больше замечаю / (э) / различия между странами // *В во(:)т / и(:) / *Ш во-первых / если честно / мне больше нравится здесь / питерская погода (И4а);*

169) *единственное что мне не нравится / это то что / солнце так редко видно // (?) во(:)т / *В ещё(:) мне очень нравится типичная / ну / то что я считаю / (э-э) / *П (э) / обычной (э) / русской личностью (И4а);*

170) *не люблю / это / *П (э) / когда / есть слишком много людей / в одном месте / (э) / например утром в метро // *В во(:)т // но то что мне больше всего нравится в Питере / это то что у меня сейчас / (э) / такая уникальная возможность / *В (э) / познакомиться и общаться с русскими людьми // *В вот // (э) / конечно / мне не нравится / что я так скучаю по () родине () своей / по семьёй // во(:)т (И4а);*

171) *мне очень / ну / мне очень нравится Петербург // *В (а) / кроме Петербурга я была / (а) / (м-м) в Каменке / это очень / ну / *П небольшой городок (И4а);*

172) *ещё была в Выборге // *П ну / *П ну просто / красивый / город // *В вот // *П Москва / ну / норма(:)льный город // нормальный город // *В вот // *В хотя / ну / *П мне больше всего нравится Петербург (И4а);*

Информант И7а хезитирует в основном с помощью неречевых звуков:

173) *иногда грубые и неприятные / но (э) *ц когда *П я (ам) *П *ц больше знают кто-то / (эм) они всегда приятные и добрые / *В а например моя бабушка / она очень гостеприимная / и доброжелательная // и всегда (эм) *П *ц она(:) *П (ам) хочет знать / что / с мени...мной // *В (ам) да / и она очень добрая (И7а);*

174) *крокодилы тоже / *В но (эм) / сяс трудно мне жить / без солнца / *В (эм) *П *ц мой прадас зависит от солнца // *В но (ам) я думаю / *П *ц не так холодно / как я думала // *В (эм) только *П темность *П трудно мне (И7а).*

Информант И8а использует хезитатив как и неречевые звуки:

175) *это просто мешает *П веселью в жизни когда я не могу / *П как поехать куда-нибудь в городе / *П как / в меньше чем в час (И8а);*

176) *мои(:) самые хорошие / самые близкие / *В (эм) друзья // были там / *П (ам) весь семестр я хотела быть с ними *В и они / *П сюда при...приехали тоже // *П (ам) но(:) я предпочитаю Питер (И8а).*

Важной особенностью речи информантов средне-продвинутого уровня является способность к *метакоммуникации*, то есть речи «информанта о собственной речи или о самой ситуации общения, “текст о тексте”» (*Звуковой корпус... 2013: 371*):

- 177) *Мо... Москва / *В (э-э) / *П большой / и там больше(:) / истории // *П больше(:) // *П (ам) / *П ну не знаю / может / *П больше(:) / *П (у-у) / *П живой / *П может быть (И3а);*
- 178) *не все здания / как Спас Спас на крови // *С *В (а-а) / *П (и-и) / даже переделали многих () зданий / в аптеках / аптеки // *П и так далее // *П (ам) / *П и / *П ну я не знаю / это / сложно / *П сказать / и чт... / я не(:) *П надо *П / *П надо подумать / чтобы сказать точно / но / тоже // *В просто / может быть / темп / жизни или / *П но(:) / например (И3а);*
- 179) *когда / все () плохо говорят / (э) / о погоде в Нью-Джерси / где я учусь / я типо / ну / нормально / я так выросла // *С / не знаю (И4а);*
- 180) *мне не... не понравилась (э) погода / *В (э) я из штата Флорида / тропичес... тропическом *П нет / не знаю / (ам) климате / и там / всегда солнце / и всегда(:) (И7а);*
- 181) *мне / *П нравится ни *П ни(:) *П не знаю / у мен... мне ещё нравится / *В Россия это не мешало (И8а).*

Как видно из примеров, у каждого из информантов средне-продвинутой группы в монологе есть хотя бы по одному метакоммуникативу. Скорее всего, информанты этой группы позволяют себе вслух комментировать свою речь, во-первых, потому что они слышали, что так делают носители языка, а во-вторых, они больше уверены в своей речи, чем информанты базового уровня, и потому позволяют себе озвучивать свои сомнения вслух. Ведь информанты группы *а*, скорее всего, тоже слышали подобные конструкции от носителей языка, но, возможно, еще недостаточно уверены в себе для того, чтобы их использовать.

Наиболее интересными представляются следующие примеры. Во-первых, использование информантом маркера «точной» номинации *чисто*²⁵ (в нашем случае – *чистый*).

---

²⁵ Подробнее см.: *Богданова-Бегларян, Сулимова 2018.*

182) *когда люди / (э) / слышат / что(:) (э) слышат () твой акцент / они сразу / (э) / переходят на английский / и думают что / ты **чистый** турист // *С это мне / очень не нравится (И3а).*

Во-вторых, использование прагматических маркеров-аппроксиматоров *типа* и *как бы*, не свойственных речи инофонов:

183) *ну / не тако... *П квыше(?) / но(:) // *В много дожди(:) // (а-ам) // ну / **как бы** // *П не очень хорошая погода // *В и все / ну / когда / все () плохо говорят / (э) / о погоде в Нью-Джерси / где я учусь /я **типа** / ну / нормально / я так выросла // *С / не знаю (И4а).*

После проведенного анализа становится понятно, что чем больше у информантов опыта общения с носителями и чем выше уровень владения языком, тем выше вероятность того, что они заимствуют способы хезитации и прочие приметы спонтанной речи у носителей языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка построения типологии ошибок в интерферированной русской спонтанной устной речи информантов-американцев. Было проанализировано 8 монологов-рассказов: 4 монолога от информантов с базовым уровнем владения языком (b) и 4 монолога от инофонов со средне-продвинутом уровнем (a). Общий объем монологов – 1873 слова, общее количество ошибок – 137.

В результате проведенного анализа было принято решение выделить три параллельных типологии:

- 1) типология *по языковым уровням* (ошибки фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), фактические и ошибки, трудно поддающиеся интерпретации);
- 2) типология *исправленных и неисправленных ошибок*;
- 3) типология *по степени допустимости сделанной ошибки («простительные» и «непростительные»)*. Построенные диаграммы и тщательный анализ каждого из типов ошибок позволили прийти к следующим выводам.

1. Информанты со средне-продвинутом уровнем владения РЯ совершают больше фонетических ошибок. Это происходит из-за ослабления контроля над речью и, вероятно, ее более высокой скорости. Информанты с более низким уровнем владения больше контролируют свою речь, стараются избегать ошибок.

2. Две трети лексических ошибок допустили информанты с базовым уровнем владения РЯ. Самой большой трудностью является запоминание значений и оттенков значений слов. В 97 % случаев лексические ошибки остаются неисправленными.

3. Выбор правильной грамматической формы слова – одинаково трудная задача для обеих групп информантов. Причем ошибки в выборе

формы слова, связанные с глаголом, информанты допускают в два раза чаще, чем ошибки, связанные с употреблением существительных и местоимений.

4. Как построение согласования, так и построение управления, представляют бóльшую трудность для информантов с базовым уровнем владения РЯ, чем для информантов со средне-продвинутым уровнем, им намного труднее формировать подчинительные связи. Кроме того, у информантов группы б отсутствуют ошибки в сложных предложениях с подчинительной связью.

5. У информантов группы б больше всего трудностей возникает с синтаксисом и лексикой, а у информантов группы а затруднения вызывают прежде всего морфология и синтаксис.

6. Больше всего в пользовательском подкорпусе оказалось грамматических ошибок: всего было проанализировано 44 морфологических и 43 синтаксических ошибки, вместе они составляют 63 % от числа всех ошибок. Меньше всего словообразовательных и фактических ошибок (по 1 %).

7. Информанты исправили только 9 % сделанных ошибок, причем информанты с более низким уровнем владения РЯ исправляют ошибки чаще. Это происходит из-за повышенного самоконтроля. Этой же группе информантов принадлежит большинство «простительных» ошибок (17 из 24).

8. Информанты группы б чаще совершают ошибки, чем информанты группы а, т. е. чем выше уровень владения языком, тем меньше ошибок совершает говорящий.

9. Родной язык достаточно сильно влияет на речь инофона: межъязыковая интерференция может быть как главной причиной возникновения ошибки, так и второстепенной.

10. Зачастую причиной ошибки является сама спонтанность речи: процессы речепорождения и контроля речевого потока сложно совместить

как носителям языка, так и инофонам, и этот фактор неизбежно ведет к аномалиям разного рода.

11. В пользовательском подкорпусе не встретилось примеров оффлайн-коррекции: информанты либо исправляют ошибку сразу (т. е. придерживаются стратегии онлайн-коррекции), либо не исправляют ее вовсе.

12. Практически всегда ошибки в устных спонтанных монологах окружены хезитативными элементами. В «окружении» ошибочной формы может находиться как единичный хезитативный элемент, так и целая хезитативная цепочка. Обычно ошибка окружена ХЭ с обеих сторон.

13. Характерной чертой монологической речи на неродном языке являются хезитации внутри слова. Это явление свидетельствует о том, что информанты продолжают оценивать свою речь на правильность даже во время произнесения конкретного слова.

14. Важной особенностью речи информантов средне-продвинутого уровня является способность к метакоммуникации и заимствование способов хезитации и прочих примет спонтанной речи у носителей языка.

Безусловно, работу над построением типологии ошибок в русской речи инофонов стоит продолжать. Для этого необходимо подключить слуховой анализ материала и расширить пользовательский подкорпус: увеличить количество информантов, добавить информантов с другими уровнями владения языком или другим родным языком, ввести сопоставление с такими социологическими коррелятами, как гендер, возраст и родной язык информанта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

КЗО	– коммуникативно значимые ошибки
КНЗО	– коммуникативно незначимые ошибки
ОРД	– корпус повседневной русской речи «Один речевой день»
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
НСВ	– несовершенный вид
ПХ	– паузы хезитации
Р	– редупликация
РКИ	– русский как иностранный
РЯ	– русский язык
САТ	– корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»
СВ	– совершенный вид
ТРКИ	– тест по русскому языку как иностранному
УСР	– устная спонтанная речь
ХЦ	– хезитативная цепочка
ХЭ	– хезитативный элемент
IPM	– instances per million words
TPR	– transition relevance place («точка перехода»)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О. А.* Речекоммуникативный статус паузы колебания. Дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 208 с. (машинопись).
2. *Александрова О. А., Иваницкий В. В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2003, № 25. – С. 95-101.
3. *Амзаракова И. П.* «Монолог» в немецкой разговорной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 20 с.
4. *Артёмов В. А.* Курс лекций по психологии. Изд. 2-е. – Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1958. – 421 с.
5. *Бабчук А. И.* Анализ хезитационных цепочек в русской устной речи разного типа: поиск коррелятов. Дипл. соч. – СПб., 2019. – 93 с. (машинопись).
6. *Баева Е. М.* Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. – № 1 (15), 2018. – С. 75-84.
7. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. – 416 с.
8. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961. – 394 с.
9. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
10. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
11. *Белицкая А. А.* О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. – Февраль 2014, № 2 // URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> [Электронный ресурс] (дата обращения – 20.05.2020).
12. *Богданова Н. В.* Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 403 с. (машинопись).
13. *Богданова Н. В.* О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ...СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ. Памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. – С. 288-293.
14. *Богданова Н. В.* Уровень речевой компетенции как реальная социальная характеристика говорящего, определяющая его речь

- // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Вып. 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 16-20 марта 2009 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2010. – С. 29-40.
15. Богданова Н. В. Русское слово в трех режимах фиксации – словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты) // Русский язык за рубежом. – 2011, № 6 (229). – С. 56-64.
  16. Богданова Н. В., Бродт И. С. Спонтанный монолог: синтаксические характеристики текста и уровень речевой культуры говорящего // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9 (Филология). – Вып. 1 (Часть I). Март 2007 г. – С. 35-43.
  17. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиально» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // Коммуникативные исследования. 2017. – № 4 (14). – С. 9-30.
  18. Богданова-Бегларян Н. В. Особенности чтения, сближающие его с «живой» спонтанной речью // Анализ разговорной русской речи (АР³-2021). Труды девятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2021а. – В печати.
  19. Богданова-Бегларян Н. В. Ошибка и оговорка: размышления об аномалиях/речевых сбоях в спонтанных монологах на родном и неродном языках // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 120-летию профессора Николая Николаевича Прокоповича. 28–30 сентября 2021 г., Владимир. – Владимир, 2021б. – В печати.
  20. Богданова-Бегларян Н. В. Идиомы в русской речи носителей других языков: они есть или их нет? (о языковой креативности говорящих на неродном языке) // Коммуникативные исследования. – 2021в, № 3. – В печати.
  21. Богданова-Бегларян Н. В. Ошибка – оговорка – квазислово: размышления о сходствах и различиях // Наука СПбГУ – 2020. Сб. материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, 24 декабря 2020 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Скифия-принт, 2021г. – С. 1234-1235.
  22. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи

- // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. – М., 2019а. – С. 111-126.
23. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.* Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. – М., 2019б. – С. 101-110.
24. *Богданова-Бегларян Н. В., Кун Чунься.* «Стратегии» прочтения незнакомого русского слова носителями китайского языка // Социо- и психолингвистические исследования. – № 8, 2020. – С. 32–39.
25. *Богданова-Бегларян Н. В., Кун Чунься.* Волшебная сила печатного знака, или что написано пером, того не вырубишь топором (размышления о некоторых аспектах преподавания РКИ) // Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики (к 125-летию Надежды Павловны Гринковой, к 120-летию со дня рождения Сергея Ивановича Ожегова и 90-летию Александра Владимировича Бондарко). Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции, апрель 2021 г., РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2021. – В печати.
26. *Богданова-Бегларян Н. В., Се Жоу.* Особенности построения спонтанного монолога-описания (на материале русской речи носителей русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. – 2021, № 2. – В печати.
27. *Богданова-Бегларян Н. В., Сулимова Т. С.* Функционирование единицы чисто в устной речи и процессы референции (корпусное исследование) // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. – № 3, 2018. – С. 3-8.
28. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию, т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1963а. – С. 47-77.
29. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Языкознание // *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию, т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963б. – С. 96-117.
30. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Эдиториал УРСС, 2001. – 317 с.
31. *Бубнова Г. И.* Специфика дискурсивного процесса в условиях устного и письменного порождения речи // Вестник Московского ун-та.

- Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 1, МГУ, 2008. – С. 23-26.
32. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
  33. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2003 – 416 с.
  34. Виноградов В. А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 408.
  35. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
  36. Глазанова Е. В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 237 с. (машинопись).
  37. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2 / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 444 с.
  38. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
  39. Гренобль Л. А. Синтаксис и совместное построение в устном русском диалоге // Вопросы языкознания. – 2008. № 1. – С. 25-36.
  40. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1960. – С. 68-86.
  41. Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1974. – 61 с.
  42. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
  43. Завадская Ю. О., Богданова-Бегларян Н. В. Оговорка как специфическая составляющая устной спонтанной речи (монолог vs диалог) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2019. Т. 11, вып. 1. – С. 14-24.
  44. Зайдес К. Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. – № 3 (9). 2016. – С. 19–35.
  45. Зайдес К. Д. Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2017. – 239 с. (машинопись).

46. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 205 с.
47. *Замковец К. С.* Русская спонтанная речь носителей нидерландского языка (прагматический аспект). Дипл. соч. – СПб., 2019. – 56 с. (машинопись).
48. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
49. *Земская Е. А.* О понятии «разговорная речь» // Русская разговорная речь / Под ред. *Е. А. Земской.* – М.: Наука, 1973. – С. 5-17.
50. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская.* – М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
51. *Золотова Н. О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тверь, 2005. – 44 с.
52. *Казак М. В.* Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 74 с.
53. *Канакова И. М.* Отражение основных структурных признаков композиционно-речевой формы «рассказ» в композиции устно-разговорного рассказа (на материале немецкого языка) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: ГГПИ, 1984. – С. 61-73.
54. *Капустина Т. Д.* Репродуктив на неродном языке (анализ пересказов, записанных от носителей китайского языка). Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2020. – 94 с.
55. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
56. *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: Труды международной конференции «Диалог'05» (Звенигород, 1-7 июля 2005 г.) / Под ред. *И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея.* – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> [Электронный ресурс] (дата обращения – 20.05.2020).
57. *Кибрик А. Е.* Полевая лингвистика
// www.krugosvet.ru/articles/77/1007704/1007704a1.htm (2007)
[Электронный ресурс] (дата обращения – 06.05.2020).

58. *Книга о грамматике. Русский язык как иностранный* / Под ред. А. В. Величко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. унта, 2009. – 648 с.
59. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2009. – 329 с. (машинопись).
60. *Кун Чунься.* Неподготовленное чтение как разновидность спонтанной речи (о приметах спонтанности в чтении на неродном языке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – № 2, 2021а. – В печати.
61. *Кун Чунься.* Об «осторожных» «стратегиях» прочтения трудных слов (на материале русской речи носителей китайского языка) // Когнитивные исследования языка. – № 3 (46), 2021б. – В печати.
62. *Крючкова О. Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. – № 8, 2004. – С. 63-83.
63. *Малиновская А. И.* Репродуктив как объект многоаспектного анализа (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2012. – 103 с. (машинопись).
64. *Метлова В. А.* Темп речи и паузы хезитации в речи на родном и неродном языках. – Saarbrucken: Palmarium Academic Publishing 2013. – 79 с.
65. *Метлова В. А.* Темп речи в свободной коммуникации: социолингвистический аспект. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2015. – 81 с. (машинопись).
66. *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 20 с.
67. *Моисеева Н. В.* Средства диалогизации монологической речи (на материале прозы А. П. Чехова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1998. – 22 с.
68. *Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации* / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
69. *Николаева Т. М.* Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. – 1970, № 3. – С. 117-123.
70. *Подлеская В. И.* «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисpravления говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам

ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.). – М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). – С. 526-540.

71. *Подлеская, В. И., Кибрик, А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. – Серия 2, № 23, 2007. – С. 1-39.
72. *Попова Т. И.* Так и этак: о конструкциях-редупликатах в устной речи // Актуальные проблемы современной науки. № 1 / Гл. ред. *Н. И. Озерова*. – СПб.: Невский ин-т языка и культуры, 2015. – С. 198-203.
73. *Попова Т. И.* Сложные прагматемы-редупликаты в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. – 2016, № 3 (9). – С. 36-48.
74. *Попова Т. И.* Опыт дискурсивного анализа составных редуплицированных прагматем // Русская филология 28: сб. научных работ молодых филологов. – Тарту: Тартуский ун-т, 2017. – С. 308-313.
75. *Рожанский Ф. И.* Редупликация как объект типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН / Отв. ред. *Н. Н. Казанский*. Т. VI. Ч. 3. – СПб.: Наука, 2010. – С. 192-210.
76. *Русакова М. В.* Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / Ред.: *М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай*. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 568 с.
77. *Русская грамматика*. Том I, II / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. – М.: Наука, 1980. – 784 с., 710 с.
78. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. *Н. В. Богдановой-Бегларян*. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
79. *Саньярова Н. С., Балмагамбетова Н. К.* Приемы формирования у студентов-казахов представления о полной лексической редупликации в русском языке // Перспективы науки и образования. – 2019, № 2 (38). – С. 295-306.
80. *Сапунова Е. М.* Лингвистические особенности неподготовленного чтения как вида речевой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Серия 9. Вып. I. Часть II, 2009а. – С. 161–168.
81. *Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009б. – 237 с. (машинопись).

82. *Семененко Л. П.* Монолог как тип общения. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Орел, 1998. – 25 с.
83. *Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной.* – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. – 346 с.
84. *Сиротинина О. Б.* Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С. 373-391.
85. *Скребнев Ю. М.* Новое достижение в исследовании русской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: ГГПИ, 1984. – С.148-156.
86. *Скребнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
87. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / Под ред. *Р. И. Шор.* – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
88. *Степанова С. Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // М-лы XXXV международной филологической конференции. Фонетика. 13-16 марта 2006 г. Секция фонетики. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. – С. 24-32.
89. *Степихов А. А.* Грамматические особенности устного текста низкой степени спонтанности // Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Грамматика (русско-славянский цикл). Вып. 17. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. – С. 30–34.
90. *Степихов А. А.* Особенности построения устного текста в условиях «несвободы выбора» // Русская филология. 14. Сб. научных работ молодых филологов. – Тарту: Тартуский ун-т, 2003. – С. 281–288.
91. *Суббота И. А.* Коммуникативные стратегии говорящего в построении описательного монолога (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2011. – 84 с. (машинопись).
92. *Тезекбаева Г. А.* Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – № 1, 2011. – С. 76-79.
93. *Тэн Хай.* Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. Том 1, № 2. – С. 105-113.
94. *Филиппова Н. С.* Спонтанный монолог-описание: композиционные особенности жанра // Вестник Санкт-Петербургского ун-та.

Филология. Востоковедение. Журналистика. – Сер 9. Вып 4. Часть II. 2008. – С. 111–117.

95. *Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 220 с. (машинопись).
96. *Хан Н. А.* Заметить / не заметить, исправить / не исправить: анализ ошибок неподготовленного чтения (на материале Звукового корпуса русского языка) // *Русская филология*. 23. Сб. научных трудов молодых филологов. – Тарту: Тартуский ун-т, 2012. – С. 208–215.
97. *Хан Н. А.* Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 283 с. (машинопись).
98. *Цуй Ю.* О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет) // *Русский язык сегодня*. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. *Л. П. Крысин*. – М.: ИРЯ РАН, 2006. – С. 644-650.
99. *Чэн Чэнь.* Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // *Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология*. – № 1 (33), 2016. – С. 53-62.
100. *Чэн Чэнь.* Обрыв как хезитационное явление в русской речи носителей китайского языка // *Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология*. – Том 9, вып. 1, 2017. – С. 98–107.
101. *Чэн Чэнь.* Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2018. – 198 с. (машинопись).
102. *Щерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку* / Ред. *М. И. Матусевич*. – М.: Учпедгиз, 1957а. – С. 11-20.
103. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку*. – М.: Учпедгиз, 1957б. – С. 113-129.
104. *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность*. – Л.: Наука, 1974. – С. 141-146.
105. *Ягинцева О. Г.* Редупликация и повтор в образовании бытовых терминов // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. – Тарту: Тартуский ун-т, 2009. – С. 354-365.
106. *Яковлева Э. Б.* Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания. Серия:

Теория и история языкознания / Отв. ред. А. В. Нагорная. – М., 2016. – 74 с.

107. Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи (повторотзвучие) // Русская речь. – № 4, 1968. – С. 48-52.
108. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016a. – Pp. 100-107.
109. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016b. – Pp. 659-666.
110. Cathcart, N., Carletta, J., Klein, E. A Shallow Model of Backchannel Continuers in Spoken Dialogue // 10th Conference of the European Chapter of the ACL. – Vol. 1, 2003. – Pp. 51–58.
111. Cenoz, J. Pauses and Communication Strategies in Second Language Speech // <http://www.librarything.com/author/cenozjasone> (2013) [Электронный ресурс] (дата обращения – 20.05.2020).
112. Clark, H., Schaefer, E. Contributing to discourse // Cognitive Science. – No 13, 1989. – Pp. 259-294.
113. Clark, H. H., Fox Tree, J. E. Using uh and um in Spontaneous Speaking // Cognition. – No 84, 2002. – Pp. 73-111.
114. Corley, M, Stewart, O. W. Hesitation Disfluencies in Spontaneous Speech: The Meaning of Um // Language and Linguistics Compass. – No 4, 2008. – Pp. 1-18.
115. Fehringer, C. Hesitation Phenomena in the Language Production of Bilingual Speakers: the Role of Working Memory // <http://www.llc.manchester.ac.uk/subjects/german/fgls/conference2007/Fileuploadmax10Mb,99794,en.doc> (2007) [Электронный ресурс] (дата обращения – 20.05.2020).
116. Kong Chunxia. "Text about Text", or "Communication about Communication" (Based on the Material of Unprepared Reading of Russian Texts by Native Speakers of Russian and Chinese Languages) // Коммуникативные исследования. – Том 11, № 4, 2021. – In Print.
117. Lounsbury, F. G. Pausal, Juncture and Hesitation Phenomena // Psycholinguistics. – Baltimore: Waverly Press, 1954. – Pp. 96-101.
118. Maclay, H., Osgood, C. E. Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // Word. – № 15, 1959. – Pp. 19-44.

119. *O'Connell, D. C., Kowal, S.* Uh and um Revisited: Are They Interjections for Signaling Delay? // *Journal of Psycholinguistic Research.* – 34 (6), 2005. – Pp. 555-576.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ

1. *Беликова Л. Г., Шутова Т. А., Ерофеева И. Н.* Русский язык: первые шаги: учебное пособие: В 3 ч. Ч. 1. – 6-е изд., доп. – СПб.: Златоуст, 2020. – 264 с.
2. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук *С. А. Кузнецов*. – СПб.: Норинт, 2014 – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> [Электронный ресурс] (дата обращения – 08.01.2021).
3. *Государственный образовательный стандарт* по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / *Иванова Т.А. и др.* – М. – СПб.: Златоуст, 1999. – 40 с.
4. *Государственный стандарт* по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / *М. М. Нахабина и др.* – 2-е изд., испр. и доп. – М. – СПб.: Златоуст, 2001. – 32 с.
5. *Государственный стандарт* по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / *Владимирова Т.Е. и др.* — 2-е изд., испр. и доп. – М. – СПб.: Златоуст, 2001. – 28 с.
6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 – URL: <https://www.efremova.info/> [Электронный ресурс] (дата обращения – 27.04.2021).
7. *Кембриджский словарь.* – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> [Электронный ресурс] (дата обращения – 27.03.2021).
8. *Лексический минимум* по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / *Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова.* 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2019. – 116 с. – URL: https://www.ros-edu.ru/read/?&book_id=81259 [Электронный ресурс] (дата обращения – 08.01.2021).
9. *Лексический минимум* по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / *Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова.* 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2015. – 80 с. – URL: https://rfl.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15595/leksicheskii_minimum.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения – 11.03.2021).
10. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> [Электронный ресурс] (дата обращения – 08.01.2021).
11. *МАС* – Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К – О. Изд. 4-е, стер. / Ред. *А. П. Евгеньева.* – М.: Русский язык, 1999. – 736 с.

12. *МАС* – Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П – Р. Изд. 4-е, стер. / Ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1999. – 750 с.
13. *Московкин Л. В., Сильвина Л. В.* Русский язык. Учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов. – Изд. 11-ое испр. и доп. – СПб: СМИО Пресс, 2019. – 528 с.
14. *Национальный корпус* русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [Электронный ресурс] (дата обращения – 09.04.2021).
15. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935-1940. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения – 08.01.2021).
16. *Hi, native.* – URL: <https://hinative.com> [Электронный ресурс] (дата обращения – 09.04.2021).